

АЙРИН ДАР

НЕУГОДНАЯ ЖЕНА.
ШКОЛА ДЛЯ БЕДНЫХ
ЛЕДИ ЭЙТЛЕР

Айрин Дар

Неугодная жена. Школа для бедных леди Эйтлер

<https://litres.ru/74490652>

Аннотация

- Ты ничего более, чем моя собственность, - усмехается Эйтлер. - Я – не кучка твоих сопливых беспризорных детей. Я – твой муж! И приказываю тебе сейчас же сесть в экипаж и следовать за мной.

Из пенсионерки в жену дракона. Следом бумаги, в которых я якобы согласна на вторую жену, и ссылка в старое поместье восстанавливать магию, которую каждый месяц забирает муж, будто зарплату. Только вместо убитой горем леди Эйтлер – учитель начальных классов с 45-летним стажем. И много детей, которые ничего не умеют, потому что бедны.

Открыть школу для бедных Наказать мужа-негодяя Научить всех уму-разуму И ... влюбиться?

Почему нет, когда судьба даёт второй шанс.

Книга входит в литмоб Учитель-попаданка

Содержание

Пролог	5
Визуал Маорики Эйтлер	10
Глава 1	13
Визуал Алевтины Корабликовой	18
Глава 2	20
Визуал Кардиуса Эйтлера	24
Глава 3	27
Визуал Адонии Свион	32
Глава 4	36
Глава 5	41
Глава 6	46
Глава 7	51
Глава 8	56
Глава 9	60
Глава 10	65
Визуал Летты Свион - матери Маорики и Адонии	70
Глава 11	72
Глава 12	78
Глава 13	84
Глава 14	89
Глава 15	94
Глава 16	98

Глава 17	103
Глава 18	108
Глава 19	114
Глава 20	118
Визуал Карфа Лайфина	123
Глава 21	125
Глава 22	130
Глава 23	135
Глава 24	140
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Пролог

Треск платья, и моя спина оголяется, пока к груди я прижимаю руки, в которых зажаты книги. Столько ненависти, как к Кардиусу Эйтлеру, я не испытывала ни к кому в своей жизни. В обеих жизнях.

- Ты ничего более, чем моя собственность, - усмехается он, окидывая взглядом тех, кто не побоялся примкнуть ко мне.

- Афа, уведи детей, - говорю спокойно, чувствуя, как летний ветер гуляет по моей спине, и она бросает полный сомнения взгляд в мою сторону. – Я справлюсь, - обещаю ей, а дракон принимается смеяться.

- С чем ты справишься, Маорика? – он вальяжной походкой направляется ко мне, пока не оказывается настолько близко, что я чувствую его дыхание. - Я – не кучка твоих сопливых беспризорных детей. Я – твой муж! И приказываю тебе сейчас же сесть в экипаж и следовать за мной.

Повисает тишина, а между нами накаляется воздух. В безоблачном синем небе, которое говорит о свободе, летают птицы. Они никому не подвластны, они вольны делать то, что вздумается. Они. А как же я?

Рука Эйтлера обхватывает мою талию, и ощущаю, как пуговица на рукаве его сюртука царапает кожу, он притягивает мою голову второй рукой, и я готова была ко всему, только не к тому, что этот мерзавец впивается в мои губы своими, будто намерен иссушить меня до последней капли.

Поцелуй длится считанные мгновения, и я отталкиваю

его, выражая своё несогласие. Мало того, что произошло против воли, так ещё и непедагогично, потому что вокруг мои подопечные.

- Если бы ты не была такой строптивой, я давно бы заскучал, - оскаливает зубы в улыбке. – А теперь отправляйся за мной, Мики.

Поворачивается, намереваясь уйти, потому что думает, что разговор окончен.

- Нет, - звучит мой отказ ему в спину, и он замирает.

- Кажется, мне что-то послышалось? – медленно поворачивается в мою сторону снова, давая возможность передумать.

Мой подбородок гордо поднят вверх, я не боюсь его. Слишком долго боялась раньше, с другим мужем. А теперь, будто крылья за спиной, потому что я проживаю ужасы своей прошлой жизни.

Я должна сказать своему страху нет, и делаю это здесь и сейчас, больше нельзя прятаться!

- Нет, Кардиус, - качаю головой. – Теперь у тебя есть вторая жена, так что будьте счастливы.

- Но мне нужна ты, - заигрывает он, только это не просьба, не мольба. Это игра с жертвой, которая обычно заканчивается победой. – Ты, Маорика, - голос обволакивает, и его рука скользит в карман, прибегая к очередному артефакту, способному подчинить многих.

- Не справляешься собственными силами? – усмешка

скользит по моим губам, а его обнажают зубы. И рука выбирается на свет пустой.

- Отчего же, - рычит он, и маршем вбивает каждый шаг в землю, чтобы вновь вырасти передо мной. – Я накажу тебя, Мики, и наказание последует прямо сейчас.

Визуал Маорики Эйтлер

Маорика Эйтлер. 25 лет - источник. Жена военного артефактора Кардиуса Эйтлера. Неудобная жена, которая даже не смогла подарить наследника. Единственный ребёнок, девочка, наречённая Глозией, умерла, не дожив до восьми месяцев. Мать была в трауре год, отдалившись от супруга, который считал её причиной всех бед.

Единственное, почему Кардиус позволял жене оставаться в своём доме - дар источника. Магички, позволяющей увеличивать силу дракона. Но, кажется, теперь у артефактора другой план.

the 'information' and 'communication' fields. The 'information' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of information, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

The 'communication' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of communication, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

The 'information science' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of information science, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

The 'information studies' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of information studies, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

The 'information systems' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of information systems, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

The 'information technology' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of information technology, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

The 'information management' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of information management, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

The 'information policy' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of information policy, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

The 'information law' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of information law, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

The 'information ethics' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of information ethics, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

The 'information economics' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of information economics, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

Умеет музицировать, отлично поёт

Глава 1

Двумя месяцами ранее

- Кажется, ты её убил, - шипит женский голос. – Следует спрятать тело, пока не хватились. Скажем, что сбежала с

Карфом. Слуги подтвердят, они видели, как Маорика вчера говорила с ним.

- Очнись же, - шлепок по лицу, и я открываю глаза, смотря испуганно на человека передо мной. Мужчина с бакенбардами и жёстким взглядом, вижу впервые. – Принеси воды, - командует кому-то, и женская фигура в вычурном платье исчезает из поля зрения. – Не смей это делать здесь, поняла? – мои плечи больно стискивают чужие пальцы, только я ничего не поняла. Перед глазами чёрные мухи, так бывает, особенно в последнее время. Даже лекарства от невролога не спасают. И вновь закрываю глаза.

- Да расступитесь же, - крик над самым ухом. – Старушке плохо. - Голосит какая-то женщина так, что хочется попросить её быть тише. Нашла старуху в 68 лет. Но то, что я потеряла сознание – плохо. – Скорая уже едет, слышите? – и сквозь приоткрытые веки различаю несколько зевак, что столпились надо мной, и кажется, сердце отмеряет последние удары. Не так я представляла себе свой уход. – Бабушка, - лёгкие прикосновения к щекам, - бабушка, - последнее что слышу, и с жадностью втягиваю воздух, резко садясь на софе.

- Подействовало, - выдыхает кто-то слова, а мою голову стискивает тяжёлый жестяной обруч, только так просто его не снять. Несколько шипов удерживают его, вонзившись в кожу, и я чувствую боль от своих действий. – Убери руки, Мика, - командует девушка, и её, искажённое злобой лицо,

появляется перед глазами. – Снова всё испортишь!

Она касается руками обруча, а я кошусь на неё, чувствуя исходящий от её рук аромат каких-то полевых трав: горький, будто полынь. Боковое зрение улавливает движение, и снова вижу мужчину с бакенбардами, который ухватился за подбородок рукой, широко расставив ноги, будто солдат, и внимательно изучает меня.

Одежда ему идёт, подчёркивая статную выправку и высокий рост, облекая там, где следует, только обычно такую используют в театрах и на представлениях.

Шиплю от боли, когда достают окрашенные кровью иглы, которые только что были во мне. Что это за приспособление? Эхоэнцефалограф? И как-то не похожи на медиков черно-волосая девчонка в затянутом корсете и пышной юбке и тот красавчик с бакенбардами. Который, кажется, ударил меня по лицу.

- Если ты кому-то хоть слово скажешь, - выставляет в мою сторону палец мужчина, - я убью тебя второй раз, поняла?

Что значит второй? Был ещё первый? И где бакалея, в которой я выбирала состав на печенье, когда мне стало плохо.

- Мики, - встряхивает меня незнакомка, которая мне в дочки годится, а потом суёт под нос какую-то бумагу. – Подпиши, так будет проще всем.

Что это? Бумаги на госпитализацию?

- Не испытывай моё терпение, Миорика, - окатывает льдом голос мужчины. – У тебя нет выбора!

Девчонка вставляет в мою руку перо, и сама выводит закорюку, тут же убирая исписанную бумагу, которую я даже не успела прочесть. А мужчина замечает.

- Приведи её в порядок, через несколько часов соберутся гости, и они должны видеть жену рядом со мной. Не хватало ещё, чтобы Громтер совал свой нос куда не следует.

Он шумно покидает комнату, а я не тороплюсь с выводами, потому что привыкла сперва думать, а потом говорить. Но, кажется, я только что подписала себе приговор.

Визуал Алевтины Корабликовой

Вот так выглядела Алевтина Петровна Корабликова в нашем мире. 68 лет.

После педагогического сразу к детям. Любимая первая учительница, которую за глаза называли Аля, дарила детям всю себя, учила не только письму и чтению, а добру, которое всегда победит, потому что добрых людей куда больше, чем злых.

Год назад вышла на пенсию, чтобы отдохнуть, потому что здоровье подводить стало. А прежние дети, ставшие взрослыми, всё вели своих детей, упрашивая взять под своё крыло, только силы уже были не те.

Была замужем, пока не стала вдовой. Муж часто поднимал

руку, и Алевтина верила, что когда-нибудь он остановится. Наверное, потому что любила...

Остановила его лишь авария.

А вот с единственным сыном последнее время отношения испортились. Несколько лет Алевтина лечила его от алкогольной зависимости, но проиграла бой...

Глава 2

Кажется, нейроны в моей голове замкнуло окончательно, если слуховые, зрительные и тактильные галлюцинации настолько явственны. Вполне возможно, что небольшая софа подо мной – кафельный пол магазина, массивные книжные шкафы по правую руку – полки с хлебом и сушками, а черноволосая девушка, которая промокает белоснежным платком мои раны, - фельдшер скорой помощи. А военный – проходящий мимо зевака, которому следовало идти. Только почему он назвал меня женой?

Колокольчик звенит над моим ухом, потряхиваемый чужой рукой, и в комнату тут же вбегает девушка небольшого роста в чёрном платье и светлом переднике. А обычно после звонка заходят мои ученики.

- Позови кого покрепче, чтобы проводил леди Эйтлер в её комнату. И приведите её в порядок, выглядит, как белая сонь поутру.

Служанка тут же сбегает, а я продолжаю молчать, моргая глазами, и только теперь замечаю руки. Делаю волну пальцами. Они повинуются мне, значит, мои. Только зрительные галлюцинации сохраняются, потому что руки явно не женщины пенсионного возраста.

Девушка шуршит платьем канареечного цвета в сторону, открывая мне обзор к зеркалу, из которого на меня смотрит незнакомка. Я моргаю – она в ответ. Поворачиваюсь – делает то же самое. Это я. Сомнений быть не может. Только куда моложе нынешнего возраста, да и в молодости я выглядела иначе.

Рядом со мной оказываются два мальчишки, одетые одинаково, и, подхватывая меня, ставят на ноги, утаскивая за собой. Санитары? Я в психиатрической клинике?

- Да стойте же, - звучит не мой голос из моего рта, только у них другой приказ. Канарейка изучает бумагу, и по её лицу видно, что довольна содержанием. Санитары волокут меня по коридору, обитому деревом, и затем наверх по ступеням с вычурными набалдашниками, пока мы не оказываемся в просторной спальне, и я удивлённо осматриваю явно не государственную палату с белыми потрескавшимися стенами и десятью панцирными койками. Это психушка в старинном особняке?

Оказываюсь на кровати, смотря, как одни слуги уходят, а другие входят. На сей раз две девушки, которые тут же закрывают за собой дверь.

- Леди Эйтлер, - оказывается около меня та, что была внизу. Становится на колени, заглядывая в глаза. – Вы так кричали, мне казалось, что вас убивают, - оглядывается, будто боится, что в любую секунду сюда войдут. - Но, хвала Угарие, вы живы. Она присматривает за нами, а вы мне не верили.

Вторая девушка оказывается позади, принимаясь расшнуровывать платье, и только сейчас осознаю, что было тяжело дышать.

- Афа, - обращается она, по всей видимости к той, что касается моего лица, невольно морща лоб. – Скорее, или нам попадёт от господина.

- Сейчас вам станет лучше, - ласково говорит мне светло-волосая, отправляясь за тазом с водой. Она возвращается, опуская туда тряпку, и промокает моё лицо. Голова немного плывёт, и ноздри вдыхают аромат розовой воды с чем-то сладким. – А по поводу синяка – не беспокойтесь, я его спрячу, - улыбается мне милой улыбкой, а я не могу взять в толк, откуда она может меня знать? И что вообще происходит?

Пока девушки приводят меня в порядок, узнаю, что меня здесь знают, как леди Маорику Эйтлер – жену артефактора Кардиуса Эйтлера, с которым мы в браке пять лет. Что моя младшая сестра, Адония Свион, метит на место второй жены, ведь по законам Лаории мужчина имеет право взять себе

ещё одну жену, при условии что от первой будет получена соответствующая бумага.

- Она мне совершенно не нравится, - шепчет мне на ухо Афа, делая укладку из копны волос, которых у меня отродясь не было. Я даже для убедительности дёргаю один из них, чтобы прочувствовать боль.

Настоящие. Как и голод, который сводит желудок, отчего живот недовольно урчит.

- Принеси поесть, Фавия, - командует девушка, и та тут же исчезает за дверью, а я не могу оторвать взгляда от молодой красивой женщины, смотрящей снова на меня из зеркала. Это кто угодно, только не я.

Дверь резко хлопает, отчего подпрыгиваю на месте, и Кардиус, его имя я узнала за последние пару часов, недовольно бросает мне.

- Поднимайся, гостей нельзя заставлять ждать.

Визуал Кардиуса Эйтлера

Кардиус Эйтлер - лорд, дракон, военный артефактор. Властный, опасный, беспринципный. Готов идти по головам, если ему что-либо требуется. Первую жену выбирал не по любви, хотя она понравилась ему сразу. Больше всего его интересовали способности супруги. Источница - лучшее вложение средств, дарующая подпитку силы.

Дети? Обязательно. Только кто сказал, что от одной жены? Достаточно лишь потребовать подписать соглашение, и вот невеста в доме. Хотя... Она оказалась здесь немного раньше срока, ведь старшая сестра не была намерена заполнять бумаги. Только кто будет ждать добровольного согласия.

Глава 3

Тёмно-зелёное сидит, как влитое. Меня снова упаковали в корсет, затянув его так, чтобы талия выглядела тоньше, украсили волосы несколькими цветками и выдали требовательному мужчине.

- Отвечай только когда тебя спросят, - чеканит последние указы Эйтлер, когда мы идём по коридору. Я так давно не носили туфли на каблуках, предпочитая плоскую подошву, от которой потом не болели ноги, что сейчас будто заново вспоминаю, как кто делать. Часто приходилось, возвращаясь домой, укладывать их повыше, чтобы пошёл отток кро-

ви. Годы брали своё, а здоровье подводило. А теперь, по всей видимости, проблемы с головой. – Маорика, - он дёргает меня, делая остановку. Наверное, что-то было сказано ещё, но я пропустила мимо ушей.

- Что? – переспрашиваю, и он повторяет.

- Я не желаю видеть тебя рядом с Карфом, это понятно?!

- Кто такой Карф? – решаю уточнить у своего воображения.

- Молодец, - усмехается Эйтлер, считая, что я приняла его правила игры, отгородившись от общения с каким-то неизвестным мне человеком. И мы снова шагаем по мягким коврам, которые укутали здесь всё вокруг.

В моей маленькой квартирке я избавилась от пылесборников, потому что у меня развилась аллергия. Нет, я люблю мягкий ворс, особенно ступать по нему голыми ногами, только всегда следует чем-то жертвовать. Сейчас у меня не закладывало нос, не было слёз и чихания. Будто заново выдали новое тело, которое совершенно иначе реагировало на знакомые предметы.

До слуха добрались голоса, подсказывая о том, что где-то внизу собралось довольно много людей, и около лестницы, ведущей вниз, мы остановились снова.

- Прекрати так тарашить глаза, будто ты напугана. Веди себя, как обычно. Но держи язык за зубами. Думаю, тебе не составит труда быть вежливой и сказать ПРАВДУ, когда того требуют обстоятельства.

Слово «правда» он отчего-то выделяет.

- Какую правду? - решаю уточнить.

- Что ты невероятно счастлива принять в качестве второй жены свою сестру, конечно же. Мики, у тебя просто нет выбора. И не заставляй меня порочить память о нашем ребёнке, - последнее, что от него слышу, и Кардиус принимается спускаться по ступеням, а я не понимаю, о каком ребёнке речь.

Грише уже 43, его ребёнком и не назовёшь. Мужчина, который губит свою жизнь, не слушая никого, топит её на дне стакана, предав даже свою семью и детей. Не говоря уже о матери.

О каком ребёнке сейчас было сказано?

Артефактор лишь отдалённо похож на моего настоящего мужа. Тот же презрительный взгляд, когда он смотрел в мою стороны, и тонкие крылья носа, раздувающиеся, когда злится. Тяжёлая рука, опустившаяся на моё лицо, как только я пришла в себя.

Неужели, столько лет спустя мои страхи выбрались наружу, чтобы истязать измученную душу, которая считала себя освобождённой.

- Мики! – с нажимом произносит Кардиус моё имя, стоя в самом низу. – Пожалуйста, - это не просьба – скорее приказ, и я касаюсь гладких перил, отполированных до блеска, поднимая юбку, чтобы ненароком не наступить на подол, принимаясь спускаться.

Никогда прежде не носила подобных платьё, если не считать дня, когда, облачившись в белое, отдала себя на власть мужа-тирана. Правда, в день нашей свадьбы и до этого Лёня не был таким. Всё случилось чуть позже, только звоночки были всегда.

Он подозревал меня в измене, что сперва даже не принимал ребёнка, пока мы не сделали ДНК-тест. Ревновал меня к папам учеников, к цветам, подаренным по случаю. Я даже перестала приносить домой подарки, чтобы не провоцировать очередной скандал.

«- Это же от любовника», - уверенно говорил он, и доказать ему обратное было почти невозможно. Делала вид, что у нас чудесная семья, потому что неимоверно стыдно было признаваться в том, что это не так.

Поворачиваю голову вбок, встречаясь взглядом с блондином в сером сюртуке, стоящим у массивных дверей, который держит руки в замке за спиной. Он смотрит на меня с какой-то лёгкой грустью, а я даже не представляю, знакомы ли мы. Добираюсь до последней ступени, благодаря бога, что не свернула шею, и локоть артефактора выставляется в мою сторону, приглашая соединиться, а глаза Кардиуса властно смотрят на меня, и я перехватываю ладонью его руку.

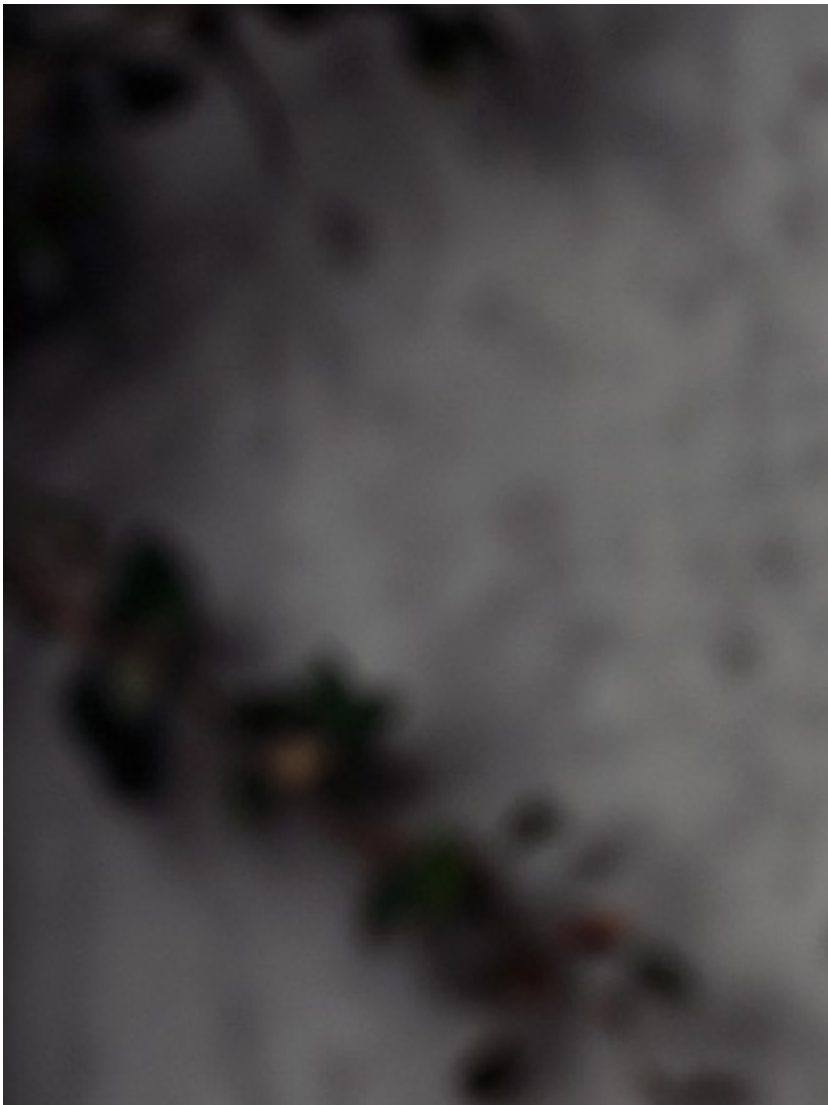
Визуал Адонии Свион

Знакомьтесь. А вот и вторая невеста Кардиуса Эйтлера - Адония Свион. По совместительству сестра Маорики, которая так жаждет стать женой, что помогает своему будущему

мужу истязать старшую сестру.

Красива, знает несколько языков, умеет держать себя на публике. Магический дар - притягивать мужские взгляды, только она убеждает всех, что это врождённый шарм. На самом деле редкий дар, проявившийся несколько месяцев назад в совершеннолетие.

Глава 4

В зале многолюдно и разноцветно. Светло-голубые стены украшены белыми барельефами и искусственными колоннами, удлиняющими комнату в высоту. Паркетный пол выло-

жен тёмным и светлым орехом, создавая ромбовый рисунок, под потолком сияют тысяча свечей, и я невольно замираю, представляя, сколько же потребовалось времени и усилий, чтобы зажечь их. И что произойдёт, когда они догорят, учитывая недолговечность каждой.

- Маорика, дорогая, - слышу голос какой-то женщины, переводя на неё взгляд. Упитанная седовласая дама в фиолетовом с невообразимой причёской, куда, по всей видимости, вставили целый букет цветов, протягивает ко мне руки, улыбаясь, а я всё так же стою рядом с Кардиусом, который внешне спохватывается и говорит, что ненадолго отойдёт. У женщины справа под крылом носа довольно большая бородавка, которая делает её похожей на ведьму из наших сказок. Почему она от неё не избавилась? Сейчас столько процедур, но, по всей видимости, здесь о них ничего не знают.

Незнакомка всё же обнимает меня и тут же шепчет на ухо.

- Я вообще не могу понять, как ты на это согласилась.

А потом отстраняется, продолжая уже громче.

- Да благословят небеса этот союз, - потрясает ладонью в воздухе, и я понимаю, что речь о Эйтлере и черноволосой. – Ну же, давай посплетничаем, - пытается она утащить меня куда-то в угол, где стоит стол с небольшими пирожными и канапе, и я благодарна за то, что мы здесь. Служанка протягивает белоснежную тарелку с голубым ободком, а я кладу на неё несколько маленьких бутербродов, фрукты и сладости, тут же принимаясь дегустировать каждое, а женщина

хитро улыбается.

- Неужели? – ахает, быстро моргая. – Это же то, о чём я думаю?

Не понимаю, про что она говорит, но вкус еды настолько реальный, что всё происходящее кажется правдой. И я быстро пережёвываю, отправляя в голодный желудок еду.

- Маорика, - щипает меня за предплечье женщина. – Ну скажи. Я обещаю, что это останется между нами.

- Что сказать?

- Ты носишь ребёнка Кардиуса?

Машинально трогаю свой живот, словно там подсказка, и губы напротив сжимаются в знак одобрения.

- Я всё поняла. Она делает знак молнии на своём рте и несколько раз кивает мне, словно я о чём-то спрашивала.

- Это правильное решение, дорогая, - тут же добавляет. – Нельзя вечно оплакивать ушедшую дочь. Она останется в наших сердцах, - прикладывает руку к груди. - Только не могу понять, - задумывается, - если ты в положении, для чего Эйтлеру твоя сестра?

Ответить не выходит. Не только потому, что я не в курсе, но в этот момент звучит удар ножа о хрустальный бокал, и гости перестают гудеть, устремляя взгляды в центр зала.

- Благодарю, - слегка кланяется хозяин, обводя людей взглядом, - что пришли в Эйтлер Гроу, и в этот чудесный день с нами. Дорогая, - разыскивает взглядом меня, по всей видимости. Служанка тут же забирает тарелку, а я продол-

жаю пережёвывать еду, прикрывая рот ладонью, потому что теперь на меня смотрят почти все, кто здесь присутствует. Кажется, мне следует подойти к Эйтлеру, и направляюсь в его сторону через собравшихся, вновь встречаясь взглядом с блондином. Тот отчего-то кивает: то ли здороваясь, то ли выражая согласие на какую-то ранее согласованную договорённость.

Взгляд выхватывает женщину в чёрном: высокую и красивую, рядом с которой стоит девушка, заставившая меня подписать документы. Они очень похожи, и полагаю, что это мать и дочь. Теперь на сестре светло-розовое платье, локоны, упирающиеся в плечи, и она улыбается мне. Если бы они с Кардиусом несколько часов назад не пытались меня убить, я бы решила, что она довольно дображелательна.

Занимаю место рядом с артефактором, который играет роль любящего мужа, и он представляет свою новую невесту.

Глава 5

Кажется, не хватает только вспышек камер, которые запечатлят чудесное событие, но вижу много предосудительных взглядов со стороны женщин. Будто я перед ними в чём-то

виновата.

Гости переговариваются, поздравляют Кардиуса и Адонию, сдержанно улыбаются мне, но всё же за спиной слышу недовольство, что из-за меня теперь многие мужья задумаются о вторых жёнах. Что я и так имею статус «странной особы», а теперь и подавно. Сама того не желая, я завела недругов.

Женщина в чёрном оказывается рядом, беря меня под руку.

- Рада, что ты приняла верно решение. Она твоя сестра. Кому, если не Адонии следует уступить место? К тому же наследник у герцога будет от нашего рода, так что неважно, кто из сестёр принесёт ребёнка, главное, что он будет Свион. Я горжусь тобой, дочка.

Говорит, только не ощущается в её словах искренности. Как и нет тепла, что обычно бывает между родителями и детьми. Наверное, она из тех, кто делит дочерей на любимых и не очень.

Звучит музыка, и я оборачиваюсь, смотря что в углу образовался небольшой оркестр человек на десять, и негромкая приятная мелодия заполняет пространство.

- Сложно сделать выбор, когда тебе угрожают, - парирую, освобождаясь от её руки. – Не подскажите, где здесь уборная?

Она подкидывает брови, будто только что я её оскорбила своей речью, а потом заявляет, прежде чем уйти.

- Зря отец дал тебе образование. Оно пошло во вред, заносчивая дрянь. Кардиусу давно следовало тебя отослать в нужное место, чтобы сбить спесь. И я рада, что скоро тебя выдворят из этого дома.

Провожая её взглядом. Кажется, вокруг леди Эйтлер интриги, каких поискать. Но про уборную я интересовалась не из праздного любопытства. Высматриваю служанку, намереваясь найти ответ у неё, но как только делаю шаг в сторону, передо мной вырастают две блондинки, хлопая огромными глазами.

- Тебя можно поздравить, - говорит одна.

- Поздравить, - вторит вторая, и бутафорские поцелуи укладываются на мои щёки.

Если с сумасшествием – да. Но с подобными вещами никто никого никогда не поздравляет.

- Лучше поздравьте сестру, это у неё радость, - пытаюсь их обогнуть, только обе делают шаг в сторону.

- Она тоже? – округляет глаза одна.

- Неужели? – интересуется другая.

- Да, она тоже, - подтверждаю, думая, что они пропустили момент представления Адонии в качестве невесты. – Простите, мне нужно выйти, - не выдерживаю, сбегаю. Но служанка испарилась, поблизости одни мужчины и женщины, которые косятся в мою сторону. Несколько человек тут же отворачиваются, показывая, что не желают со мной общаться.

Проскальзываю под стенкой в сторону распахнутых дверей и выбираюсь в коридор, смотря налево и направо, будто намереваюсь перейти дорогу. С одной стороны центральный выход на улицу, туалеты должны быть на обоих этажах, и я отправляюсь налево, пытаюсь по дверям определить, какая из них - моё спасение.

Как назло, никто не попадается, и я заглядываю внутрь нескольких комнат, только меня ждёт разочарование. А между тем живот сводит неимоверно, и я вспоминаю поговорку матери: «пускай лопнет совесть, чем мочевого пузыря».

Порыв ветра подсказывает, что впереди ещё выход на улицу, и спешу на балкон, с которого открывается чудесный вид на парк. По небу рассыпаны миллионы жёлтых пятен, и я бегу вниз по ступеням, намереваясь укрыться между деревьями. Сейчас это кажется лучшим из решений, чем возвращаться и разыскивать служанок.

Бежать по дороге из камушков неудобно, нога то и дело пытается подвернуться, и я оглядываюсь, оценивая обстановку.

Одна.

Продираюсь в первые кусты, не желающие пускать. Негодую на неудобное платье, которое пусть и красиво, но неимоверно мешает. И, когда мне всё же удаётся разобраться с бельём и расположиться за живой изгородью, слышу чьи-то приближающиеся шаги.

Глава 6

Замираю, надеясь, что это не по мою душу, а лишь мимо проходящие люди, и стараюсь быть, как можно тише. Так и выходит. Слышу два мужских голоса.

- Как удобно устроился Эйтлер, того и гляди, приберёт к рукам и вдову Свион вслед за дочками.

- Она недурна собой.

- О, да, - похотливый смешок. – Выбирай из них троих, я бы остановился на матери. Надменная стерва обжигает взглядом, но тем интереснее обуздать кобылку в постели.

Морщусь от подобных заявлений. Нет, не потому что вы-

бирают не меня, вернее, тело, которое теперь мне теперь принадлежит, а от подачи. Никогда не любила эти сальные шуточки и заигрывания.

- А мне больше нравится старшая, - отдаёт очко мне второй мужчина, и я понимаю, что именно в этот момент они проходят мимо. Радуюсь, что моё платье не белое или розовое, а чудесная зелень, слившаяся с настоящей. Руки прячу за спину, а голову склоняю так, чтобы за плотными шторами кустов не было видно. – Она выглядит такой грустной и потерянной. Мне даже её жаль.

- Ты слишком сентиментален, Дафус. Женщины лишь притворяются несчастными, чтобы заполучить свою порцию ласки. Уверен, это игра на публику и ничего более. И сегодня они будут веселиться в постели втроём.

- Думаешь, кому-то хочется делить мужа с другой? Пусть она трижды твоя сестра?

Голоса становятся настолько тихими, что ответа уже не разобрать, а мужчины направляются в сторону замка. Игры на троих не для меня. Категоричное нет! Может, следует бежать, пока нет поздно?

Выжидаю несколько минут на всякий случай, вдруг одному из них захочется вернуться, и продираюсь обратно на дорожку, бегло осматриваясь и радуясь, что никто не видел причины моего нахождения здесь. Но как только делаю шаг, меня окликают.

- Чудесный вечер, Мики, - и я замираю, вглядываясь в

темноту. Фигура отсоединяется от одного из деревьев и направляется в мою сторону. И, когда мне удаётся рассмотреть, кто передо мной, понимаю, что это блондин. Его голос под стать внешности – такой же красивый. – Что ты там делала? – усмешка скользит по его губам, а я готова сквозь землю провалиться, потому что не знаю, что ответить.

- А знаете, что звёзды, которые нам светят, уже могут быть мертвы? – выдаю реплику.

Он молчит, возможно, ожидая, что я скажу дальше.

- Мы видим их свет, в то время как само тело уже перестало существовать.

Когда я рассказываю об этом своим младшим школьникам, они обычно хлопают глазами, кто-то не верит, а другие ахают от удивления.

- Не устану повторять, что Эйтлер тебя недостоин, - заявляет на это незнакомец, смотря отчего-то себе под ноги, и поднимает предмет. Внезапно хватает меня за талию и утаскивает в кусты, а мне становится страшно, что он сейчас что-то со мной там сделает. – Тише, - прикладывает палец к моим губам, и я испуганно смотрю в его голубые глаза, а до моих ушей снова доносятся голоса.

- Ты уверен, что обронил его здесь?

- Или же мальчишка-слуга стащил, когда я увлёкся пирожными.

Наступаю на ветку, и она издаёт характерный звук.

- Здесь кто-то есть, - обращается один голос к другому, а

я вижу, как по воздуху мимо меня проплывает небольшой мешочек. И тут же снова голос.

- Нашёл!

Звяканье монет, и нас снова покидают, а я во все глаза смотрю на блондина, который явно причастен к перемещению кошелька.

- Как вы это сделали? – хмурю лоб, но, наверное, впредь следует быть осторожнее с вопросами.

Он меняется в лице, задумчиво меня осматривая.

- Мики, что с тобой? – касается моего лица, проводя по щеке рукой, а я не понимаю, отчего он так нежен, и что конкретно связывает его и меня нынешнюю. Но он обращается ко мне на «ты», значит, мы довольно близки.

- Просто болит голова, - тут же парирую. – Предлагаю вернуться, пока не заметили наше отсутствие.

- Ты мне так и не скажешь главного? – успевает он перехватить мою руку, потому что я намерена отправиться в дом.

Тело отзывается на его прикосновение дрожью, будто он имеет над ним какую-то власть.

В моей жизни было трое мужчин. Первая любовь в десятом, мой муж и Юрий после него, с которым отношения тоже не сложились. Может быть потому, что я не смогла довериться никому, то и дело ожидая какого-то подвоха. Но сейчас я словно заново вспомнила, каково это, когда на тебя смотрят любящие глаза.

Хочу задать вопрос, но слышу голос Кардиуса, призыва-

ющий к ответу.
- Маорика!

Глава 7

- Маорика!

- Мне пора, - разрываю нашу связь и спешу, надеясь, что светловолосый не последует за мной. Ещё свежо в памяти искажённое злобой лицо Лёни, который встречал меня каждый раз из школы, если я приходила на десять минут позже. Поправка на магазин или соседку не подходила, и он требовал ответа, крича на меня и обзывая продажной женщиной.

Я стояла на страже благополучия своих учеников, была тревогу, если замечала синяки и ссадины, или же видела, что ребёнок замкнулся в себе. Я помогала и вытаскивала некоторых, заставляя родителей одуматься, а кого-то и вовсе лишая родительских прав. Помогала всем, кроме себя и сына, уверяя, что у нас всё иначе. Всё не так.

- Маорика! – шаги по ступеням вниз, и я выбираюсь из-за деревьев на каменистую дорожку, представая перед тем, кто теперь зовёт себя моим мужем. – Что ты там делала?

Он смотрит мне за спину, и я надеюсь, что там никого нет.
- Гуляла.

«С кем ты гуляла, шл.ха», - звучит в ушах голос бывшего мужа, и я убеждаю себя, что всё в прошлом.

- Одна в темноте? – он кривит усмешку, отталкивая меня так, что я чуть не падаю, оступаясь на неудобных камнях, а Эйтлер будто принюхивается. Вспоминается Баба Яга, которой русским духом пахнет. – За кого ты меня держишь?! Карф! – называет он имя, и я делаю шаг в сторону замка, не намереваясь оставаться с этим ужасным мужчиной. – Я знаю, что ты здесь! Выходи, трус!

Совершенно не знаю блондина, но осознаю, что после такого он обязательно выйдет. Обернувшись, вижу две фигуры, стоящие друг напротив друга, и забегаю на ступени, потому что это не моя война. Имей я больше вводных, можно было бы вставать на чью-то сторону, только сейчас понятно одно: я – Маорика Эйтлер – неугодная жена.

Оказываюсь в коридоре, тут же сталкиваясь с девушкой, которая именует меня своей сестрой. Кажется, она кого-то разыскивает.

- Где ты была? – задаёт вопрос, хмуря брови.

- Разве я должна отчитывать? – недоумённо смотрю на неё. Она младше не только по возрасту, но и по статусу. Если Маорика по документам жена герцога, то Адония пока всего-навсего лишь его невеста. А это вилами по воде. Так и хочется сказать, что старших надо уважать, что обращаться

ко мне следует по имени отчеству, только я уже перестала быть той, кем являлась все эти годы. Может, со сменой тела я смогу поменять и то, что внутри меня, не теряя самого важного?

Слышу позади стук сапог, и Адония смотрит за мою спину, а её глаза тут же наполняются гневом. Она переводит негодующий взгляд на меня, и я понимаю, что в ней говорит ревность и амбиции. Не умею читать мысли, но готова дать руку на отсечение, что она представила нас с герцогом, предающимися утехам в парке.

Моё предплечье стискивает мужская рука. Кажется, разговор между артефактором и Карфом, оказалось, что это был именно он, закончился слишком быстро. Не знаю, что видит на лице будущего мужа Адония, но сужает глаза и требует объяснений.

- Лорд Эйтлер, вы уединялись со своей женой?!

Я плохо знаю местные традиции и конкретно Кардиуса, но что-то мне подсказывает, что буря начнётся через 3,2,1.

- Разве ты имеешь право спрашивать у меня о таких вещах?! – звучит прямо над моим ухом, а гости, заинтересовавшиеся сценой в коридоре, подбираются ближе. Зеваки. Совсем, как в магазине, где мне стало плохо. Мысленно переношусь в тот момент. Было бы возможно посмотреть, как воспринял утрату сын. Продолжил упиваться, или клин клином вышибло? Но свои мозги не вставишь, каждый волен прожить жизнь так, как ему того хочется. Или как он может.

- Любимый, я не желала тебя злить, - Адония тянет к мужчине руку, и Кардиус не успевает увернуться, когда поверх его ладони она укладывает свою. На глазах разъярённый дракон становится куда спокойнее, а я не понимаю, что это за магия. — Идём со мной, - ласково продолжает сестры, отковыривая Эйтлера от моего предплечья, и я даже благодарна ей в этот момент.

Артефактор поворачивается в мою сторону, но его взгляд уже не такой суровый, как был пару мгновений назад. Что это за фокусы?

Мужчина с седыми волосами и усами, которого в моём мире можно было назвать одногодкой, но теперь он мне годится в отца, подбирается к хозяину дома и слегка кланяется.

- Поздравляю, лорд Эйтлер. Один вечер, и целых два события!

- Два события? — не понимает Кардиус. — О чём вы?

- Говорят, ваша жена в положении.

И когда я думаю, что перестала быть центром внимания, все взгляды устремляются на меня.

Глава 8

Молчание затягивается, и я не намерена его нарушать. Вот такое бы на уроках, а то постоянный галдёж. Потапов, перестань стучать ручкой по парте, Архипова хватить разговаривать, Гаврильчук не смейся, а то снова придется сидеть рядом бабушке.

- Ах, наверное, это был сюрприз, - подаёт голос одна из присутствующих дам. – Вы испортили его, лорд Жок, - журит его, и в голосе смесь кокетства и ехидства. Различаю толстый нос, вытянутое лицо и бугорки на голове. Тонкая линия губ и мешки под глазами. Она чем-то напоминает Беладонну из мультфильма про поросёнка «Фунтика».

На лице Кардиуса маска спокойствия, но воздух вибрирует от его злобы. Адония же бледнеет, краснеет, ищет глазами поддержку матери. Наверное, она должна урегулировать этот вопрос, а вот что должна делать в этой ситуации я – ума не приложу, потому что никогда не попадала в подобные.

Единственным моим ребёнком был сын. И о беременности я узнала в тихой и спокойной обстановке, рассказала мужу. И там всё было ожидаемо, а вот что происходит сейчас – мне неясно. Неужели, я действительно беременна?

- Господа, - подаёт голос мать, желая занять их внимание чем-то другим. – Приехали талиеры, прошу в зал.

Она гостеприимно указывает в противоположную от меня сторону, и люди нехотя принимаются расходиться. До последнего остаются самые любопытные, ожидая, что вопрос с беременностью всё же прояснится. Но Кардиус намерен устроить мне допрос с пристрастием наедине. Он бросает взгляд негодования за мою спину, и я машинально оборачиваюсь, смотря на посеревшего блондина. Кажется, эта новость его не обрадовала.

Эйтлер щёлкает пальцами, и тут же к нему подбегает один из слуг.

- Отведи мою жену в серую комнату, - командует, и парень кланяется, приглашая меня следовать за собой. – Надеюсь, ты покинешь мой дом и впредь станешь обходить его стороной, - обращается к Карфу.

- Надейся, - парирует он без тени улыбки.

- Кардиус, - слышу за спиной голос Адонии, когда делаю несколько шагов по коридору.

- Не сейчас, - осекает он её молящий голос, и мне кажется, что новость о беременности что-то меняет в их планах. Осталось понять, что именно.

Что касается ребёнка, скорее всего, это игра в испорченный телефон, который запустила седовласая, что говорила со мной вначале вечера. Но уверенности в том, что я не беременна – нет.

Ожидание, что меня отведут наверх, сменяются испугом, потому что мальчишка начинает спускаться, как только оказываемся у лестницы. Если мы на первом, выходит, это путь в подвал.

- Кардиус, - зовёт мужа на сей раз моя мать. – Позволь я займусь этим вопросом. А тебе следует отправиться к гостям вместе с невестой. Не позволяй какому-то недоразумению испортить такой чудесный вечер.

На локоть мужа тут же укладывается рука сестры, и она заглядывает ему в глаза.

- О Маорике не переживай, - тем временем продолжает мать, - скажи, что она устала, и новости – не более чем сплетни, которые распускают завистники.

- Леди, - зовёт мальчишка, потому что я застыла на лестнице, оценивая, сколько шагов до выхода. Может, успею бежать?

- Уберите его из этого дома, - сцепив зубы, Эйтлер приказывает касательно Карфа.

- Она же тебе не нужна, Кардиус, - звучит голос блондина. – Так дай ей возможность уйти. Отчего обязательно мучить тех, кто не в силах постоять за себя? Избери себе достойного противника.

Слуги тут же закрывают двери в общую залу, оставляя нас лишь с парой гостей, которые делают вид, что барельефы на стенах – неимоверно красивы.

- Если ты намекаешь на себя, я не вижу в твоём лице достойности! Вон, - сквозь зубы командует Кардиус.

- Что ты намерен сделать с Маорикой? – требует блондин ответа.

- О, не беспокойтесь, - вмешивается мать, понимая, что противостояние между этими двумя не закончится ничем хорошим. – Она просто устала и хочет отдохнуть. Я позабочусь о своей девочке, - оказывается рядом, укладывая руки на мои плечи, и тут же подталкивает меня вниз. Успеваю удержаться на ногах, ухватившись за перила, но она была бы куда счастливее, упади я и сверни шею. Я знаю человека от силы полчаса, но мнение сложилось не лучшее.

- Сколько ты хочешь? – начинает торг Карф.

- Я сказал прочь!

Голоса приглушённые, но всё равно удаётся разобрать слова Адонии.

- Может, ребёнок от него?

Глава 9

Не знаю, чем заканчивается перепалка, потому что мать толкает меня в спину, и на этот раз я падаю вниз, и в последний момент меня успевает подхватить мальчишка, за которым я отправилась. И я благодарна ему хоть в чём-то.

- Веди, - приказывает вдова, но я сопротивляюсь, намереваясь вырваться из цепких рук, и она тут же суёт мне под нос что-то приторно-сладкое, отчего стены и пол начинают качаться. Мать держит мою голову, не давая возможности отвернуться, чтобы сделать вдох без аромата, и он опаивает меня моментально. Я редко пью, но когда пропускала пару

стаканов, ощущала себя уплывающей на волнах.

– Чего смотришь?! – набрасывается мать на слугу. – Неси её, куда следует!

Теперь я не сопротивляюсь, а лишь ощущаю, как моё тело подхватывают чужие руки, утаскивая куда-то вглубь подвального помещения. Здесь куда прохладнее, чем наверху, и моё тело укладывают на кровать в серой комнате, а мать прогоняет мальчишку, но тут же окликает его.

- Растопи камин, - приказывает, и он бросается исполнять поручение. Неужели, она лишь хотела показаться плохой, а на самом деле проявляет заботу, не желая, чтобы я мёрзла здесь? Только это ни разу не забота, потому что, как только она закрывает дверь за вышедшим слугой, не спешит ко мне объясниться. Подходит к камину, и я не сразу понимаю, что намерена сделать. Она копается там, будто вороша горящие поленья, а потом подходит ко мне.

Бесцеремонно хватая за подбородок, поворачивая в свою сторону.

- Ты в положении, Маорика? Только не лги мне! Отвечай: да или нет!

Какой ответ верный? Они захотят от меня избавиться, если я беременна, или нет? Что даёт мне больше привилегий?

- Отвечай, - окатывает меня ледяным холодом её голос.

- Не знаю, - мои слова звучат через вату и как-то отдалённо.

- Не знаешь? – скользит усмешка по её губам. – Неужели,

забыла, как делила постель со своим мужем и когда?

Забыла. Как и то, что Кардиус вообще имеет ко мне хоть какое-то отношение.

- Хотя бы скажи, чей он! – не успокаивается мать.

Хочется повторить ответ – «не знаю», только я – замужняная женщина, у которой есть определённые обязательства перед супругом. Жаль, что этих правил нет у самого Кардиуса, который решил устроить себе гарем из сестёр. Да и как признаваться в связи с Карфом, когда я сегодня видела его впервые.

Мать трогает мой живот, болезненно нажимая то тут, то там. И я пытаюсь смахнуть её руки со своего тела.

- Уйди, - прошу, надеясь, что действие аромата скоро выветрится. Какую гадость она мне дала?

- Если и есть, то срок ещё маленький, - будто говорит сама с собой, а потом выходит из комнаты, оставляя меня одну.

Пытаюсь подняться, но голова плывёт. Как от вертолётов. И мне с первого раза не удаётся встать. Поворачиваю голову к камину, различая внутри какую-то палку, сунутую в огонь. Кочерга? И что с ней собиралась делать эта сумасшедшая? Господи, а я ещё на свою настоящую мать обижалась, что она меня в пятнадцать лет дома закрыла и не пустила с ночёвкой к подруге. Вот уж, где с родителями не повезло.

Шатаюсь, бреду до выхода, и через приоткрытую дверь слышу возвращающиеся шаги. Следует притвориться, что я всё ещё слишком слаба. Еле успеваю вернуться и упасть на кровать, когда вбегает женщина в чёрном, уверяясь, что я

всё ещё на месте.

Подходит ближе, окидывая взглядом, и я не двигаюсь, ожидая, что она подойдёт вплотную, и мать делает ещё несколько шагов. Тянется рукой в карман, вытаскивая откуда небольшой флакон, тот самый, что использовала до этого, и второй рукой снова обхватывает мою шею.

«Ну, теперь ты поняла, кто в доме хозяин», - будто слышу голос Лёни в ушах. Но я больше не Алевтина Корабликова, я другой человек. Который просто обязан стать на свою защиту.

Успеваю вывернуться теперь, когда мы один на один, и нет помощников, готовых прийти ей на помощь. Она валится на кровать, а я собираю последние силы, выхватывая флакон, и проделываю тот же фокус, что она со мной. И через мгновение она перестаёт сопротивляться, а лишь стонет, опоённая каким-то снадобьем.

Оглядываюсь в поисках шарфов, поясов или верёвок, чтобы связать опасного противника. Кто знает, что было уготовано мне. Судя по раскалённой кочерге – ничего хорошего. И решаю использовать хотя бы простыни, до чего не догадалась мать.

- Маорика, я хотела, как лучше, - тихим голосом говорит она, пока я пакую её, как когда-то сына. – Не совершай глупостей.

- А лучше, это как? Убить меня, пока остальные веселятся на первом этаже? Если такая неудобная, отчего же не рас-

торгнете брак? Куда проще разойтись с одной, чтобы жениться на другой! Но нет же, Эйтлер желает усидеть на двух стульях.

Она смотрит на меня изумлённо, будто я сказала что-то странное. А за спиной раздаётся женский голос.

- Он не может, леди Эйтлер. Иначе потеряет всё, что принадлежит вам.

Глава 10

Резко оборачиваюсь, но в комнате никого нет, неужели, у меня уже слуховые галлюцинации? Только, судя по матери, она тоже кого-то слышала, потому что повернула голову, всматриваясь вдаль.

- Мерзкая девка, Кардиус тебе спуску не даст, - обращается то ли ко мне, то ли к кому другому.

Надо убираться отсюда, как можно быстрее. Хорошим делом не закончится. Держу в ладони пузырьёк, он может ещё пригодиться, и подхожу к двери, тут же отстраняясь, потому что там кто-то стоит.

- Леди Маорика, - зовёт меня голос, и я шагаю из комнаты. – Слушайте внимательно, - шепчет девушка. В коридоре темно, и я не могу точно сказать, как она выглядит. Кажется, волосы убраны в пучок, цвета не различить, одета в платье. Может даже я встречала её за короткий промежуток времени, что здесь нахожусь. – Лорд Лайфин считает, что вас опаивают зельем, которое влияет на память. Именно он прислал меня сюда.

- Кто считает? – переспрашиваю, потому что впервые слышу эту фамилию.

- Значит, он прав, - кивает девушка. – Постарайтесь есть и пить только то, что принесут верные слуги.

Легко сказать, знать бы, где ещё эти верные слуги. Только говорящая всё же заблуждается, считая, что мои уточнения - причина какого-то зелья. Признаваться в том, что я прекрасно помню, только другую свою жизнь, не стану. Иначе меня упекут в психиатрическую клинику. Представляю грязные и сырые подвалы, бегающих крыс. Здесь точно нет белых больничных стен современных клиник.

Но меня устраивает их подсказка, касательно опаивания. Буду каждый раз говорить, что причина, по всей видимости, - какой-то мифический отвар. На мгновение накатывает страх, а что если она права? И я действительно ничего не помню лишь потому, что мне подмешивали в еду снадобье? И тут же отметаю эту мысль. Поместить в головы чужие воспоминания, длинную в жизнь, - невозможно.

Где-то над головой слышатся шаги и какие-то крики. Разобрать не удаётся: радости или ссоры. Но то, что скоро или мать придёт в себя, или придёт кто-то ещё, - несомненно.

- Карф Лайфин – лорд-оборотник с магией третьей степени, - поясняет мне девушка.

- У магии есть степень? – кажется, словно это только что придумали для меня.

- Всё намного хуже, чем он думал, - подводит итог девушка, оборачиваясь назад, потому что слышится какой-то стук, словно что-то тяжёлое уронили на пол. – Времени нет. Вы должны знать, что Кардиус Эйтлер не разведётся с вами и не отпустит потому, что вы слишком важны для него, как источник. К тому же по договору он обязан быть с вами в браке не менее десяти лет, иначе всё завещанное старой тётушкой имущество отойдёт вашему брату. А Эйтлер не из тех, кто любит терять.

Новые данные. Оказывается, у меня ещё есть брат!

- Если я умру? – решаю уточнить.

- То же самое, потому он не тронет вас.

Вспоминается, как, очнувшись, услышала: «Кажется, ты её убил». Ну да, конечно, расскажите кому другому, что дракон не тронет. А я пришла сюда именно потому, что, по всей видимости, он расправился со своей женой в порыве злости, ведь она отказывалась подписывать бумаги. Бедняжка отдала Богу душу лишь потому, что не желала делить мужа с сестрой.

А на её месте когда-то могла быть я... И вопрос не в сестре, а в том, что несколько раз я была на грани жизни и смерти из-за Лёни.

Шаги снова над головой, и я невольно поднимаю глаза к потолку, будто могу видеть через доски.

- Настаивайте на ссылке в старое поместье, чтобы быть как можно дальше от Эйтлера, - советует девушка. - И вот ещё, - она хватает мою руку, что-то быстро перекладывая в неё. — Обязательно наденьте и не снимайте. Это обманет повитуху, заставив поверить в вашу беременность.

- Но зачем?

- Кардиус негодяй, но никогда не станет убивать своего ребёнка. А когда вы будете далеко, станет неважно. Карф придёт за вами, если вы ему позволите. Это ваш шанс спастись. И придётся решить, как поступить. Эйтлер, скорее всего, отправит вас с глаз долой, чтобы дожидаться рождения малыша и проверить на родство при помощи артефакта, а не открыто заявит обществу, что вы носите ребёнка, чтобы потом быть выставленным на посмешище, окажись он не его.

Значит, между Маорикой и этим юношей всё же что-то было, иначе отчего он так волнуется за мою жизнь?

- Почему нельзя определить родство сейчас?

- Ваше магическое поле сильно, оно будет защищать ребёнка от любого воздействия.

- Но вы сказали, что можно определить беременность.

- Это другая магия, бытовая. Артефакты действуют иначе.

Слышу шаги, тут же оборачиваясь, и вижу в коридоре быстро приближающуюся рослую фигуру. Кардиус Эйтлер намерен сейчас заняться мной сам.

Визуал Летты Свион - матери Маорики и Адонии

Летта Свион - мать Маорики (старшей дочери) и Адонии младшей. Два года назад стала вдовой. Всячески пыталась пристроить младшую дочь, не обладающую магическими талантами, пока дар внезапно не проявился сам.

Замечена в интимной связи с артефактором. Замеченных больше нет в живых, Эйтлер женится повторно.

К старшей дочери, которую так любил отец, испытывает неприязнь ещё и потому, что тётка мужа завещала свои земли и поместье лишь старшей племяннице, считая имен-

но её чистой душой. Бумаги были заверены у нотариуса и магически подкреплены печатями, которые обязательно приведут в действие прописанное, случись что с Маорики в ближайшее время.

Узнав о предположительной беременности Маорики, намеревалась решить вопрос при помощи повитухи, предполагая, что как только Кардиус узнает о ребёнке, для первой жены будут поблажки

Глава 11

Когда артефактор подходит ближе, понимаю, что уже одна. Только что рядом со мной была девушка, и вот её нет. Самое удивительное, дракон даже не спрашивает, кто это был. Может, она мне привиделась? Только в руке всё ещё зажато что-то, и я прячу её за спину, боясь, как бы он не отнял дар.

- Где твоя мать?! – требует ответа, а в коридоре гулко раздаются шаги бегущего. Снова Адония, я даже соскучиться не успела. Она хватается за локоть Эйтлера, и я понимаю, что в этом её сила. Так она в большей степени его контролирует.

- Что ты с ней сделала? – смотрит на меня сестра с нена-

вистью.

Со своими учениками я была в меру строга, в меру добра. Если перебарщивать с одним из ингредиентов – пенять стоит лишь на себя. Я позволяла немного баловства, шуток, смеха, но, когда требовалась дисциплина, они старались её поддерживать, чтобы меня не огорчать. Я добилась это не криками и угрозами, а разговорами по душам, через которые можно было достучаться даже до самого, казалось бы, неподдающегося.

Нет, были в моей практике и те, кого никогда не забыть, потому что нервы тоже не восстанавливаются. И Адония напоминала мне девочку-принцессу, которая считала, что вокруг неё вертится земля. Неудивительно, учитывая, что мать между двумя дочерьми сделала выбор в пользу младшей, ломая судьбу Маорики.

Наверное, Адонии не нравится моё спокойствие, отчего она смотрит на меня с ненавистью, или же причина куда глубже. Но я часто нервничаю именно так, скрывая страх за маской безразличия. Нельзя показывать, что ты боишься, как и бравировать своей смелостью. Я отлично это запомнила из-за Лёни, стараясь в моменты его агрессии слиться с окружающей действительностью. Самое смешное... Нет, не то, что он говорил всем, что никогда не бил женщину. А то, что он не трогал меня при сыне, за это ему спасибо, но Юра считал его чуть ли не святым.

Громкий стук из комнаты, и Адония летит туда, а мы иг-

раем с артефактором в гляделки.

- И когда ты была намерена мне сказать о..., - он замолкает, будто ему трудно выговорить слово, - ребёнке?

- Это что-то бы изменило?

Думаю, любая женщина мечтает услышать ответ: всё. Но я не знаю человека, стоящего передо мной, как и того, любила ли его Маорика прежде. Для меня Кардиус - обычный негодяй, что позволяет себе издеваться над слабыми, над своей женой. И я не вижу ничего, что могло бы заставить полюбить такого. Только... Лёву я всё же любила до определённого момента. Может, сейчас мне дан шанс посмотреть на себя со стороны. На свои отношения из прошлого другими глазами, чтобы что-то понять...

Вскрик Адонии из комнаты, и Кардиус бросает взгляд на дверь, а затем переводит его на меня.

- Она жива и невредима, - отвечаю на его немой вопрос. - А нам пора договориться, что будет дальше, потому что это уже не первая попытка меня убить.

Он оглядывается, будто боится, что нас могут услышать, хватая меня за локоть, вталкивая в комнату, и тут же закрывает дверь. Крепко сжимаю руку, боясь потерять то, что там лежит, а он воспринимает это, как желание его ударить, тут же сдавливая мой кулак в своей ладони, и нечто острое протыкает мою руку изнутри, а я стискиваю зубы, чтобы не проронить ни звука. Кардиус не должен понять, что там что-то есть.

- Даже не смей, поняла? – шипит в мою сторону, отбрасывая руку, пока Адония охает над матерью, приписывая мне то, чего я не делала.

- Она ударила её! – округлённые глаза в надежде, смотрящие на Эйтлера, который просто должен поверить. Ударила? Я никогда никого не била. Но сейчас понимаю, что ей бы врезала знатно. Эйтлер вместо поддержки для новоиспечённой невесты произносит.

- Это не моя забота, меня больше волнует ребёнок.

- Маорика лжёт! – голос Адонии поднимается до визга, и она смотрит на меня, призывая признаться. – Она не может быть в положении! Кардиус!

Смотрит на него, ожидая, что он раскроет секрет интимных встреч. Но, как бы он не относился к невесте, такими подробностями разбрасываться не будет, я уже поняла.

Никогда не дразнила детей, всё же педагог. Но сейчас неимоверно хочется разозлить Адонию ещё больше. Вывести из себя, чтобы дорогой муж посмотрел, кого намерен взять в жёны.

- Однажды была в положении, отчего теперь не могу? – пожимаю плечами, основываясь на сведениях, которые мне были даны разными людьми. – Обычно такое бывает, когда жену навещает муж.

Адония тут же покрывается пятнами и раздувает ноздри, а потом оборачивается к матери, ища поддержки.

- Повитуха придёт с минуты на минуту, - умирающим го-

лосом говорит та. Вот бы её на роль Бабы Яги на наши утренники, дети бы по-настоящему испугались, а добрая Маргарита Павловна была слишком узнаваема и добродушна.

- Мне надо в уборную, - подаю голос, потому что мне следует перепрятать маленький секрет из руки.

- Подождёшь! – фыркает Эйтлер.

- Нет. Но я могу сделать это здесь, - нарочно говорю, с уверенностью смотря ему в глаза. Наверное, желай по-настоящему, я бы никогда не набралась смелости сделать то, что теперь. Но сейчас это была игра. – Пожалуй, там, - указываю на угол у камина, и Кардиус округляет глаза, не веря, что я сделаю это. И единственное, на что я готова – разыграть спектакль. Быстро соображаю, что делать, если он меня не остановит, и делаю несколько шагов, взывая к небесам, чтобы он меня остановил.

- Прекрати, Маорика! Ты словно сошла с ума! Идём, я сам тебя провожу, и только попробуй что-нибудь выкинуть.

Глава 12

Я всегда была слишком предсказуемой. Боялась лишний раз что-то сделать, потому что у меня был статус учителя. А после этой череды увольнений и нападок на педагогов: какие

фотографии нельзя размещать, что вы должны держать моральный облик и появляться даже на пляже не в купальнике, а в буркини. Тут я утрирую, конечно, но рамки нам были очерчены жёсткие.

И если раньше я могла помолодеть лишь душой, то теперь наоборот, тело было куда моложе. Мы идём с Кардиусом по коридору, и отчего-то улыбаюсь, словно моя выходка позволила мне снять часть верёвок, сдерживающих по рукам и ногам.

- Такое чувство, что ты здесь впервые, - слышу голос за спиной и оборачиваюсь. Я перешла около пяти шагов, в то время как Эйтлер остановился. Он словно намеренно меня проверял, и я проверку не прошла.

- Кислородное голодание повлияло на память, - сочиняю на ходу. Но отчасти есть в этом доля правды.

- Лучше бы ты занялась вышивкой или оранжереей, а не своими книжками. Они лишь испортили тебя.

- Книга – друг человека, - повторяю в миллионный раз, но в то же время в первый здесь. – Она тренирует ум.

- Женщине идёт его отсутствие, - парирует артефактор, толкая дверь, и я решаю, что следует как можно быстрее разобраться с тем, что мне было дано незнакомкой, а не препираться с Кардиусом.

Оказываюсь в полутёмном помещении без окон, понимая, что подобие стула с дырой – это местный унитаз, о чём говорит и характерный запах. Но мне не привыкать, в деревне

и не такие «домики» принимали гостей.

Как назло, нет ни свечи, ни выключателя, и свет проникает лишь из коридора. Оборачиваюсь к мужу, который стоит, широко расставив ноги и сложив на груди руки.

- Здесь слишком темно.

- Ты забыла, как пользоваться лампами? – подкидывает он брови, но тут же поджимает губы, будто вспоминая о чём-то. – Неужели, ты действительно в положении? – вопрос больше риторический.

Не понимаю, как это взаимосвязано, но препираться не буду. Мне на руку то, что он щелчком включает тусклое свечение горизонтальных полосок на стенах, чем-то напоминающих светодиодные ленты, и я, наконец, могу закрыть дверь и разжать ладонь, чтобы увидеть, что искололо мне руку.

Это серьги с чёрными камнями в форме овала. Не знаю, что за минерал, возможно, гагат или шунгит. Или же здесь собирают что-то другое, но выглядят сдержанно и красиво. Быстро меняю серьги, отправляя те, что висели на мне в корсет, и нарочно принимаюсь шуршать юбками, создавая видимость посещения этого места. Кардиусу хватило ума отойти на пару метров, чтобы создать мне личное пространство. Может, он не до конца негодяй?

Когда возвращаемся обратно, мать почти пришла в себя, и я не сразу замечаю старуху, что молчаливо смотрит на меня, и девчонку лет тринадцати рядом с ней. Мысленно сжимаюсь, встречаясь взглядом с повитухой, потому что у неё

белые не только волосы, но и глаза. Это бельма, и она слепа. А девчонка рядом – помощница и поводырь.

- Это она? – поворачивается старуха ко мне ухом, будто пытается выслушать что-то.

- Да, - тут же отзывается Летта. – Рада Хаиса, это моя дочка. Скажите, что видите.

Старуха протягивает руку, и тут же девочка берёт её, чтобы подвести ко мне.

Я не люблю фильмы ужасов, всегда была ужасной трусихой, и Лёня часто смеялся надо мной. Сперва по-доброму, потом со злобой. Теперь же я попала в один из фильмов, став его главной героиней. Костлявая рука, обтянутая тонкой кожей так, что видно почти каждое сухожилие, тянется, пока не касается моего платья, хватаясь за юбку, и девочка отпускает повитуху.

Старуха ведёт слишком большим носом, который, в отличие от других частей тела, не считая ушей, растёт всю жизнь. Наверное, чтобы с каждым годом напоминать всё сильнее, что жизнь клонится к закату. Не знаю, сколько ей лет, но она явно не пользуется косметикой, да и в нашем мире +100 никто не производит.

Пока одна рука еле держит моё платье, вторая резким движением впечатывается мне ладонью в живот, и я от неожиданности ахаю. Как она, не различая ничего, сделала это?

Только, пожалуй, меня больше должен заботить вопрос о том, какой вердикт она вынесет.

Пальцы перемещаются, как пауки вправо, потом возвращаются обратно, и её ладонь замирает, а губы шепчут немые слова. Перевожу взгляд на девчонку, что стоит в паре шагов от меня. Она осматривает комнату. И по одежде видно, что на завтрак, обед и ужин у них один хлеб. Не могу прочесть мысли, но отчего-то кажется, словно она завидует всему, что видит. Людям, которые позвали сюда, замку, что распахнул свои двери. Она встречается взглядом со мной. И я понимаю, что её зависть принадлежит и мне. А старуха выносит вердикт.

- Понесла.

Глава 13

Кажется, до моих ушей доносится стон. Это Адония, мечты которой только что разбились о рифы суровой реальности. Смею догадываться, что она представляла себя матерью наследника: единственной и неповторимой.

- Она лжёт! – не может сдержать в себе гнев, который рвётся наружу, и её красивое лицо искажает маска злобы. А мать хватает её за руку, сжимая, чтобы заставить младшую дочь замолчать.

Старуха медленно поворачивает голову на голос, и Адония тут же меняется в лице. Больше нет той уверенности, с

которой она только что заявляла свои слова. Она стоит около кровати, и её лицо выражает тревогу.

- Я никогда не лгу, девчонка, - скрипит недовольный голос, и старуха протягивает руку в сторону, чтобы тут же её подхватила помощница. Хаисе не обязательно говорить, чего она хочет. Кажется, ребёнок настолько хорошо чувствует её, что понимает любое движение или мимику. Они вместе неторопливо надвигаются на сестру, которая замерла в испуге, не в силах оторвать взгляда от старухи.

- Она ещё дитя, - застывает Летта. – Неразумное и влюблённое. Которому мешают быть с избранником.

Мешают? Наглость мирового масштаба. И я вспоминаю Скворцова, мама которого пела, как он не хотел бить мальчика из младших классов, но его заставили. Кого? Скворцова? Я бы скорее поверила, что это он заставлял, а не наоборот.

Вот они – матери. Готовы выгораживать ребёнка в любой ситуации, даже будь он триста раз виноват.

- Прости ей слова, - просит Летта и Хаисы.

- Я не про вас, - пытается защищаться Адония, - я про Маорику говорила. Она обманула всех нас!

На этот раз стонет мать. Кажется, новая порция глупости от дочки. Только что сестра сказала, что повитуха ничего не понимает, и её можно обвести вокруг пальца.

А мне уже начинает нравиться Хаиса, потому что она не лебезит перед деньгами и властью. И её боятся.

- Кардиус, - просит защиты Адония, и только сейчас вспоминаю о молчаливом артефакторе, который всё время стоял рядом, будто свыкаясь с мыслью, что снова станет отцом.

- Довольно! – командует он будто выходя из сна. – Можешь ли ты сказать, чьего ребёнка она носит? - обращается к старухе, и та чуть поворачивает голову.

- Могу ли я сказать? - повторяет за ним слова. – Это не подвластно никому, и тебе известно это, лорд Эйтлер. Так зачем же ты заведомо задаёшь вопрос, на который знаешь ответ.

- Выдайте повитухе, что причитается, - отдаёт приказ Кардиус, не желая препираться со старухой, - а мне надо поговорить с женой.

- Мама, - скулит Адония, впадая в панику, словно мир рухнул на её плечи, а старуха снова на них смотрит.

Не спрашивая моего согласия, Кардиус просто хватается за руку, дёргая на себя, и чувствую, как серёжка выскакивает из корсета, скользит по платью, укладываясь на тёмно-зелёный ковёр. Если Адония обратит внимание на неё, она обязательно догадается, но девочка, замечает украшение первой, и я еле заметно киваю, когда она встречается со мной взглядом, выдавая согласие подобрать её. Радует, что синие камни на зелёном ковре не так сильно бросаются в глаза.

Мы снова выбираемся из комнаты, и Эйтлер тащит меня за собой, будто я собака на поводке. Совсем, как Лёня, когда уводил с общих гулянок, изрядно перебрав, думал, что я

стреляю глазами направо и налево. Называл шл.ой, которая выставляла все прелести на показ. Я сгорала со стыда, мечтала, чтобы это закончилось, просила его прийти в себя, и слушала заезженную пластинку его повторений.

И почти никогда не говорила...

- Нет! – останавливаюсь, отказываясь идти, только слово какое-то неуверенное, словно я сомневаюсь. Не знаю, что даёт мне силы: новое тело, новая жизнь, где всё только начинается, а потому понимаешь, что подобное никогда не закончится, если не предпринимать ничего, или что-то внутри меня, оставшееся от прежней Маорики. Но именно сейчас мне просто необходимо сказать: «нет».

- Я требую к себе уважения! – произносят негромко мои губы, хотя внутри всё трепещет от страха. Господи, что, если я что-то делаю неправильно? Что, если Маорика виновата в том, как он с ней поступает? Что если...

- О каком уважении ты говорить, Мики?! – презрительно смотрит на меня Кардиус. – Ты – женщина. Существо, которое должно ублажать своего супруга, даря ему наследников. Развлекать его, когда скучно, и подчиняться, потому что иного не дано. А что сделала ты? – он больно выкручивает мою руку, что я вынуждена выгнуться вслед за ней, понимая, насколько он сильнее, если ни один мускул даже не дрогнул на лице.

Я не понимаю, о чём он говорит, а потому молчу.

- Если я только узнаю, что это не мой ребёнок. Я вырежу

его из тебя ножом, и, поверь, я нарочно возьму менее острый.

Глава 14

Вечер заканчивается более-менее сносно, если так можно выразиться. Меня отводят в комнату, которую запирают на ключ, чтобы не сбежала, а спустя час приходит служанка с ужином.

- Все только и говорят о вашем положении, - шепчет она, устраивая поднос на небольшом столике около кровати. Такое чувство, что я смотрю сериал, стилизованный под определённую эпоху, только ко всему прочему я ещё в нём и участвую. – Только-только разошлись. Поздравляю, - обращается ко мне, хитро улыбаясь. – Это чудесная новость. Я

рада, что вы снова решились попробовать. То, что произошло с Глозией - не ваша вина.

- Кстати о ней, - решаю уточнить. — Думаешь, так было дано свыше?

Я не могу напрямую у неё спросить: что произошло с ребёнком. Иначе меня станут подозревать. Меньше знают — лучше спят. Я же постараюсь наводящими вопросами выбраться туда, куда нужно.

- Кто я такая, чтобы обсуждать волю богов, - отвечает на это. — Но она в лучшем мире.

Надо же, я и сама говорила подобные вещи, только раньше они звучали немного иначе. Потому что миры были гипотетические, а теперь я на собственном примере убеждаюсь, что за гранью нашего есть и другие.

- Лекарь сделал всё возможное, зря с ним лорд Эйтлер так обошёлся.

- Как?

Она подносит мне кашу с куском мяса, тушёные овощи и прибор, а потом смотрит, словно пытается понять, почему я спрашиваю.

- Выслать в Пустошь, где обитают чёрные маги, - не лучшая из наград, пусть ему и не удалось спасти младенца. Но он не всесилен, куда состязаться с теми, кто создал этот мир.

Интересно, что бы она сказала, узнай, что их, как минимум, два: этот и мой, из которого я пришла.

Значит, ребёнок умер от какой-то болезни, а Кардиус,

пользуясь своими регалиями, отправил лекаря в наказание куда-то в не очень хорошее место.

- Вы ешьте, остывает, - напоминает мне служанка про ужин, и я приступаю к еде.

- Ты что-то знаешь о старом поместье? – решаю спросить. Может, Афа – не лучший информатор, но за неимением другого придётся пользоваться тем, что есть.

- Вы о Роттер Холле?

- Да, - приходится согласиться, хотя я совершенно не понимаю, о чём она. Судя по названию, это какой-то замок или усадьба. Надеюсь, тут одно заброшенное поместье.

- Никогда не была прежде в ваших владениях, - пожимает плечами, а я понимаю, что это, по всей видимости, часть наследства, которую боится потерять Эйтлер, случись со мной что-то. – Почему вы спрашиваете?

- Просто, - тут же отправляю в рот порцию овощей, чтобы сменить тему. – Очень вкусно, - хвалю повара, и Афа обещает, что передаст ему.

Пока ем, она внимательно рассматривает мои серёжки.

- Вы сменили украшения? – спрашивает немного испуганно.

И у меня несколько вариантов ответов:

А. Нет, тебе кажется.

Б. Да, это другие серьги.

С. Почему ты устраиваешь мне допрос?

Ответить не успеваю, как она спешит к трюмо, вытаски-

вая из ящика шкатулку, и откидывает крышку, всматриваясь внутрь. Надо ли ей говорить, что она не найдёт то, что ищет. И, когда мы встречаемся взглядом через зеркало, она испугана.

- Пожалуйста, леди Эйтлер, скажите, куда вы их дели?

- Почему ты такая бледна? – спрашиваю, и сама начинаю волноваться.

Служанка захлопывает крышку, поворачиваясь ко мне.

- Если вы хотите бросить вызов своему мужу – это ваше право, но я не желаю нести наказание.

О чём она говорит?

- Это просто серьги, успокойся, Афа.

Но она быстро качает головой.

- Кому вы их отдали? – требует ответа. – Неужели, не понимаете, что теперь будет?

Признаться ей, что не понимаю?

- Я потеряла одну, - нехотя признаюсь, добывая из декольте вторую и протягивая девушке.

- Мы ещё можем её найти. Где вы были? Назовите все места, я попробую поискать.

- Ты не найдёшь её, - решаю сразу рассказать о том, что произошло.

- И вы спокойно позволили талиерке стащить её? – она говорит с пренебрежением, хотя даже не видела девочку. – Простите, леди Эйтлер, но вы беспечны и забывчивы, раз не помните, сколько заживала ваша спина.

Невольно касаюсь плеча, будто пытаюсь вспомнить, но не могу.

- Я не хочу отметин на теле, пусть я и простая служанка, а вы – леди.

Афа собирает тарелки и уходит, закрывая дверь на ключ, а я снимаю сорочку, поворачиваясь спиной к зеркалу, и смотрю на шрамы на моей спине.

Глава 15

Пальцы дотягиваются до тонкой линии, проходясь подушечками по спине, куда только могу достать. Сложно судить, но, кажется, здесь около десяти шрамов. Значит, это сделал Эйтлер. И, по всей видимости, не так давно, потому что, хоть они и успели зарубцеваться, но выглядят не как старые. А я всё грешила на тесный и неудобный корсет, который стягивал кожу и рёбра.

Кажется, сейчас я потеряла последнего союзника в этом доме. Афа была ко мне добра, но я её сильно расстроила. Только откуда мне было знать, что за подобным следует на-

казание?!

Дверь открывается слишком быстро, что не успеваю среагировать и одеться. Закрываю тело руками, встречаясь глазами с Эйтлером, и тут же отворачиваюсь, подхватывая с пола упавшую сорочку. И в звенящей тишине судорожно натягиваю её на тело.

Невыносимо стыдно, и первое, о чём думаю – что скажет на это Лёня. Тут же останавливаю себя, вспоминая, что он не просто погиб, а совершенно в другом месте. Он ничего не скажет, и я безумно этому рада. Только вместо одного мучителя в моей жизни объявился другой. Надеюсь, что Эйтлер просто ушёл, и оттягиваю момент, когда следует повернуться.

- Хорошая жена раздевается, когда видит супруга, а не наоборот, - звучит мне в спину, и я оборачиваюсь.

Эйтлер без сюртука, шейного платка, а рубашка приоткрывает грудь. Надеюсь, он не принял мою наготу за призыв к действию. Но, судя по тому, как смотрит на меня, как закрыл дверь, проворачивая ключ изнутри, хотя я уверена, что его только что там не было, настроен на то, что возьмёт меня здесь и сейчас.

- У тебя есть невеста, Кардиус, - напоминаю ему, подхватывая халат, оставленный служанкой для меня, набрасываю на плечи, но он проблему не решает. Почти такой же прозрачный, как и сорочка. В таком явно не пойдёшь в подъезд выбрасывать мусор, не наши плотные байховые. – Думаю,

она не обрадуется, если узнает, где ты был.

- Твоя сестра? – будто издевается он надо мной. – Только я решаю, что мне делать, - фыркает. - По закону я имею право взять её лишь после того, как она станет женой.

- Но это будет скоро. И ты – закон в этом замке, - напоминаю ему, и Кардиус криво улыбается, словно я выдала ему право действовать так, как хочется. – Не её интересах всем болтать, что между вами было до церемонии.

Артефактор неторопливо идёт ко мне, осматриваясь по сторонам, а я отступаю к трюмо, пока не натыкаюсь на него спиной. Дальше идти некуда, остаётся лишь ждать его действий и пытаться вразумить.

Оказывается рядом, упираясь рукой в стену слева от меня, и глядит, не мигая. Сейчас могу рассмотреть каждую его родинку или складку на лбу. Волосы, спадающие мягкими чёрными волнами, широкие брови, небритость на лице. И до моего обоняния доносится запах вина, который ни с чем не спутать. Вечный спутник бывшего мужа.

- Зачем ты пришёл? – спрашиваю негромко, пока Эйтлер приближает ко мне своё лицо, а потом вдыхает воздух, рядом с моими волосами.

- Хочу пригласить тебя на конную прогулку.

- Ночью? – решаю уточнить, и чувствую, как его рука смыкается на моей груди, больно проминая плоть. Губы оказываются рядом с моим ухом, и шёпот пробирается в сознание.

- Именно, - в его голосе слышится сарказм. – Хватит глу-

пых вопросов, - его пальцы перебирают тонкую ткань сорочки, подтягивая её наверх, чтобы добраться до кожи. – Ты прекрасно знаешь, чего я хочу, - его язык касается моего уха, и я вздрагиваю, понимая, что ничего не изменить.

- Я беременна, Кардиус, - последняя попытка, и он замирает, передвигая лицо, так, чтобы наши глаза поймали связь.

- Он мой, верно? – спрашивает негромко, а его ладонь перемещается на мою шею.

- Да, - говорю то, что хочет услышать.

- Или же он этого Карфа? – ладонь смыкается так, что тяжело дышать, и я хватаюсь обеими руками за его запястье, пытаюсь добыть больше воздуха. Глаза испуганно вращаются. Передо мной чудовище: красивое и опасное, способное влюбить и убить. И сейчас от него зависит моя жизнь.

Глава 16

Хватка всё сильнее, и я хриплю под чужими пальцами, сопротивляясь, но он всё же отпускает. Играет со мной, как кот с мышью, и я хватаюсь за горло, осознавая, что кислород снова доступен в полной мере. Дышу. Я снова дышу.

В любом мире есть свои чудовища. От этого, увы, никуда не деться. И такое чувство, что они станут преследовать меня повсюду.

Эйтлер отступает, но не затем, чтобы меня оставить в покое. Вальяжно двигается в сторону кровати, упиваясь властью, а я бросаю взгляд на дверь, где призывно из замочной

скважины торчит ключ.

И что дальше? Даже если у меня будет возможность сбегать - вызвать полицию или позвать на помощь не смогу. Только я не пользовалась этим и раньше, считая, что всё обрзается само собой. Но между моим прошлым и настоящим есть существенная разница: я не выбирала того, кто сейчас намерен заняться со мной любовью.

На трюмо забытые ножницы, и я хватаю их, намереваясь использовать как оружие. Только хватит ли мне смелости? Я не раз представляла, как становлюсь сильнее, но это была лишь иллюзия. А на поверку – женщина, что просто ждёт конца.

Сжимаю в руке оружие, отправляя её за спину, чтобы не бросалось в глаза, и жду. Секунда, вторая, третья.

Кардиус останавливается у кровати, о чём-то раздумывая, а потом снимает жакет и рубашку, и я не могу оторвать взгляда от его плеч, не потому что они мне нравятся, я боюсь того, что будет потом.

- Ну, - лёгкий поворот головы и обращение. Он не видит меня, просто знает, что я всё ещё где-то здесь. – Или тебе надо напоминать, как ублажать мужа?

Фраза пронзает меня, выкручивая внутренности, потому что именно так говорил мне все эти годы мой бывший. А я мечтала, чтобы это поскорее закончилось, осознавая, что перед ним у меня есть некий долг: долг супруги перед супругом.

Ножницы всё ещё в моей руке, и я могу в любой момент ими воспользоваться, если только захочу. Если только смогу, но даже представляя, как я делаю кому-то больно, меня тошнит. А Эйтлер садится на кровать, опираясь не неё ладонями, и смотрит на меня с интересом.

- Мики, не заставляй меня ждать, - пока просит, но уверена, что потом последуют угрозы. Делаю первый робкий шаг, а за ним ещё один. Настраиваюсь на то, чего не желаю, обещая себе, что это всегда заканчивается. Из раза в раз, изо дня в день, из часа в час. Только быстро или медленно – решать не мне. А тому, кто сейчас с ухмылкой смотрит на меня. А я даже не могу предположить, как долго он станет меня мучить.

У каждого всегда есть выбор. Быть или не быть. Подчиняться или бунтовать, но я понимаю, что сейчас у меня нет выбора, если намерена остаться в живых. Кардиус неоднократно демонстрировал возможность и стремление меня убить. Даже сегодня уже второй раз, слишком часто для одного дня. Пожалуй, его мало что остановит от убеждения, что это следует сделать. И я выбираю первый вариант: подчиниться.

- На колени, - командует, как только оказываюсь перед ним, и я сжимаю зубы, стараясь не думать о том, что делаю.

Когда мне было плохо, я молилась. За ребёнка с температурой, за больную мать, за людей, у которых случился пожар. Но в такие минуты я не молилась никогда, не желая осквер-

нять святые слова, хоть мне и было невероятно плохо. Я пыталась представить, что совсем в другом месте, там, где мне действительно хорошо.

Колено чувствует твёрдый пол, и я сажусь напротив, ожидая дальнейших указаний, пока рука всё так же спрятана за спину.

Никогда прежде у меня не было интимной связи с незнакомым человеком, а Эйтлера я считаю именно таким. Пусть все вокруг твердят, что он муж, что у нас был общий ребёнок, моё естество отказывается воспринимать его, как нечто своё.

Его рука опускается на моё плечо, пригвождая к полу, и он скользит снова к шее, а я закрываю глаза, намереваясь набрать как можно больше воздуха в последний момент, если ему приспичит играть снова. Только он добирается до края ворота и сдвигает его вниз до плеча, оголяя моё тело. И прогуливается подушечками пальцев по коже, чертя одному ему известные линии.

- Мики, станцуй для меня, - голос не требует возражений, хотя тут стоит пререкаться, потому что я не сильна в танцах. Художественное чтение, декламация стихов, пение, в конце концов, - это мои сильные стороны, но не танцы! Я люблю смотреть, а не делать, потому что тело словно выстругано топором из полена. – Мики, - звучит моё новое имя, совсем, как у мыши из Америки, и мне приходится встать. А в руке всё ещё острый предмет.

- Что там? – словно догадывается о моём секрете Эйтлер, тут же вскакивая на ноги и оказываясь рядом, и хватает меня за локоть, намереваясь дёрнуть руку на себя, когда в дверь кто-то начинает судорожно колотиться.

Глава 17

Мгновения хватает, чтобы переложить ножницы из одной руки в другую, пока Эйтлер отвлёкся на стук, и бросить их скользить по ткани, чтобы не выдать себя резким звуком. Кардиус тянет на себя мою пустую руку, проверяя, и сужает глаза, словно догадывается, что я его обманула. А тем временем кто-то пытается до нас добраться.

- Какого вальтена тебе надо?! – рычит артефактор, отпуская меня, и направляется к выходу, а я хватаю ножницы, отбегая к тяжёлой портъере, и жду.

Кардиус приоткрывает дверь, не намереваясь, по всей ви-

димости, никого пускать дальше порога, и слышу знакомый голос с визгливыми нотками.

- Карди, я хотела с тобой поговорить, - начинает она.

- Завтра, Адония. Сейчас я занят, - он говорит с нажимом, но без грубости, и лучше бы ей принять его вежливое обращение, только ревность, уверена, что именно она пригнала её в такое время к моей комнате, заставляет терять разум и вести себя неблагоразумно.

- Чем же ты так занят?!

- Ты путаешь границы дозволенного!

- Ты говорил, что любишь меня! – звучит с вызовом, и Кардиус выходит, закрывая за собой дверь, а я спешу подойти поближе, чтобы услышать их разговор, который, возможно, даст мне больше данных.

- Запомни, я не стану отчитываться, где и с кем провожу время! – рычит артефактор. – Напоминаю, что пошёл не к уличной девке, и Маорика моя жена.

- Скоро у тебя будет две жены! – напоминает ему, словно он мог об этом забыть. – И ты сегодня признал меня своей невестой на публике.

- У меня отличная память, Адония. Я помню, что было пару часов назад.

- И после того, как мы обручились, ты пришёл к ней? – её голос пищит на последнем слове.

- Не в твоих интересах устраивать мне допросы. Невеста – не жена, и помолвка может быть разорвана в любой момент.

- Ты, - она задыхается от гнева, - ты хочешь променять меня на..., - она не может подобрать слов.

- Твою сестру? – словно издевается на ней. – Хватит сходить с ума, она была до тебя. И ты, и я прекрасно знаем, насколько Мики ценна. Если судить по магическому потоку, она куда сильнее тебя.

Вытягиваю руки вперёд, пытаюсь понять, о какой магии они говорят, но кажусь себе самой обыкновенной, если не считать мгновенного омоложения каких-то восемь часов назад. Уму непостижимо, я здесь всего-ничего, а будто уже жизнь прожила. Вот что значит: летит время.

- Что она сделала с тобой, Карди? – теперь голос Адонии куда мягче, чем прежде. Она выбрала другую тактику: ласки и нежности. – Это снадобье или магия? Идём со мной, милый.

А кто-то говорил, что до свадьбы никак. Тут, наоборот, невеста окучивает жениха.

- Тебе пора спать, Адония, - не сдаётся Кардиус, а я разочарованно вздыхаю. Сейчас рада сестре, и пусть та считает, что действует в своих интересах, на самом деле мне куда важнее, нежели ей, чтобы она утащила за собой артефактора.

- Когда ты отправишь её в глушь? Она станет лишь мешать нашему счастью.

- Всё изменилось, Мики беременна, и теперь...

- Вот именно! Только представь, если об этом узнают все, а ребёнок окажется не твоим! Если скрыть её с глаз, можно

сказать, что ничего не было.

- Молчи, - шипит на неё Кардиус. – Не хватало мне слуг, которые будут разносить глупости по округе. Это мой ребёнок, и я не понимаю, отчего ты сомневаешься.

Укладываю руки на живот, пытаюсь призвать к ответу малыша, если таковой имеется, и осознаю, что Эйтлер играет на опережение. Он не уверился, что отец нерождённому младенцу, лишь делает вид, чтобы ввести в заблуждение остальных.

- Она должна уехать! – настаивает Адония. – Ты мне обещал!

- Отправляйся в постель! Я сам решу, кто куда поедет.

Понимаю, что ей не переубедить нашего общего мужа, и оглядываюсь, пытаюсь разыскать спасение. Подбегаю к трюмо, хватая ножницы, и делаю порез на запястье, кляня себя за то, что страшно сделать его более убедительным. Лишь с третьего раза удаётся, и на пол капают алые капли, а я хватаю вазу, бросая её на пол, и успеваю поднять один из осколков, когда дверь открывается.

На пороге Кардиус, а позади недовольная физиономия сестры.

- Срочно зови лекаря! – командует Эйтлер, только Адония продолжает стоять на месте. – Не заставляй меня повторять! – звереет артефактор, бросая ей угрозу через плечо, и направляется ко мне, а я понимаю, что порез следовало делать не таким глубоким.

Глава 18

Я всё же лежу на кровати рядом с Кардиусом, как он желал, только артефактор сидит и смотрит на меня со смесью интереса и гнева.

- Зачем ты это сделала, Мики?

- Разбила вазу? – спрашиваю негромко. – Это случайность.

Простынь, которой он обернул мою руку, напиталась бордовой влагой, и мне становится не по себе оттого, что это могут быть мои последние минуты жизни. Которая была не то, что короткой, а стремительной.

Афа вбегает, бросая испуганный взгляд сперва на черепки разбитой посуды, а потом на меня, и бледнеет ещё сильнее. Кажется, она приняла мою попытку самоубийства на свой

счёт.

- Леди Эйтлер, - говорит с такой болью, сдвигая на переносице брови, и бросается к моей кровати, что чувствую себя подлой обманщицей.

- Прекрати, она ещё жива, - кривится Кардиус, поднимаясь с места, и принимается мерить комнату шагами, а моего лица касается тонкая рука с грубой от работы кожей.

- Вы такая бледная, - становится она зеркалом, которое подскажет, как я выгляжу. – Зачем вы так поступили? – новый вопрос, только теперь уже не от Эйтлера.

- Кх-кх, - откашливается кто-то, и я вижу, как комнату пересекает человек невысокого роста с залысиной в очках, которые придают ему нелепый вид, и болотного цвета костюме, который, кажется, на один размер ему велик.

Афа уступает мужчине место, подвигая стул, на который укладывается сумка, тут же распахивая своё нутро, где хранит лекарства и медицинские инструменты. Пока лекарь разворачивает простынь, вижу, как делает несколько шагов в комнату Адония. У неё был выбор придумать что-то, чтобы не привести целителя, но тем не менее он здесь. Что это? Сестринская любовь или боязнь быть наказанной?

Хотя не могу представить, как может поступать подобным образом родная сестра: забирать мужа и счастье у старшей. Может, всё же мы не родные?

- Не-хо-ро-шо, - чеканит мужчина в очках каждый слог, чем повергает меня в ещё большее уныние. Но умирать не

так страшно, как в прошлый раз. Может, оттого что я не успела как следует привыкнуть к этому миру, понять, чем именно стоит дорожить. Закрываю глаза, принимаясь молиться. И пусть здесь не знают наших богов, главное – вера, которую человек несёт в себе. Будь он в любой точке Вселенной.

- Срочно нужна кровь, - слышу сквозь пелену, ощущая небывалую усталость. Мне будут делать переливание? – Держи вот так, - приказывает кому-то.

Чуть приоткрываю глаза, смотря как Афа ассистирует лекарю, который добыл из саквояжа длинную эластичную трубку, чем-то напоминающую капельницу.

- Лорд Эйтлер, отправьте срочно карету в дом вашей жены, чтобы кто-то из её семьи, обладающий магией, приехал сюда. Боюсь, в замке, кроме вас и вашей жены, никто не обладает достаточной силой, чтобы помочь умирающей. К тому же, последствия могут быть непредсказуемыми, если магичке влить кровь дракона.

Ну вот, даже он озвучил вслух то, в чём я боялась себе признаться. Я – умирающая. Женщина, которая может перестать существовать. И что меня ждёт? Куда именно я попаду? В место, которое верю, или же по местным предположениям?

- Адония! – звучит призыв из уст артефактора, только я больше не вижу её. Она прекрасно понимает, что станет делать наш общий муж. И у сестры появился новый шанс из-

бавиться от меня. Руку сдавливают подобие жгута, и на предплечье ложится какой-то серебристый инструмент, напоминающий напильник. Целитель подводит его к пульсирующей ране, и мне кажется, что ощущаю жар и покалывание.

Сопротивляться бессмысленно, да и надо ли.

- Адония! - Эйтлер продолжает разыскивать сестру, выскакивая из комнаты, а я встречаюсь взглядом с Афой. Глупая бедная девочка, я вижу, как она страдает, и станет переживать, не стань меня, уложив на свои хрупкие плечи вину за мою дурость.

- Это случайность, Афа, - говорю настолько тихо, что с первого раза ей меня не слышно. Она наклоняется, и я повторяю на ухо ей только что произнесённые слова и добавляю. – Ты не виновата.

- Простите, леди Эйтлер, - куксится служанка. – Я не могла представить, что мои слова заставят вас причинить себе зло.

- Могу подтвердить, что больная сделала это нарочно, потому что невозможно порезаться настолько сильно в подобном месте, - замечает лекарь. Только бы он не стал этого повторять при Кардиусе. Хотя, если я умру, будет уже всё равно.

Афа быстро закатывает рукав, протягивая руку под нос целителю, что тот невольно отстраняется.

- Берите мою кровь! – уверенно говорит. – Только спасите Маорику.

- Я сделаю всё, что в моих силах, прекрасное создание. Вы настолько чисты и невинны, что это похвально. Но я уже говорил, что помочь леди Эйтлер способен только маг. Может, вы обладаете чем-то выдающимся?

И Афа быстро качает головой, шмыгая носом, а в комнату влетает Адония, делая несколько бегущих шагов, будто её толкнули, и следом входит Кардиус.

- Знакомьтесь, Парон – сестра Маорики, которая с радостью поможет всем нам.

- Так быстро? – округляет глаза целитель. – Неужели, вы использовали артефакт скорости? Но, насколько я знаю, бадовство с подобным карается законом!

- Вы слишком болтливы для врача, - грубо отвечает Эйтлер. – Займитесь уже тем, что действительно умеете.

- Можете подойти ближе, - подзывает Адонию лекарь, и та, бросив негодующий взгляд на Кардиуса, неторопливо подходит ближе.

Глава 19

Если бы человек умел испепелять взглядом – я бы загорелась на месте, потому что меня прожигают карие глаза Адонии.

- Процесс займёт около получаса, я думаю, вы потерпите ради своей сестры, - звучит голос лекаря.

Она поворачивает голову в сторону Эйтлера.

- Не много ли спасения в один день, дорогой? Если мне не изменяет память, сегодня я уже оказала ей услугу.

Зубы Кардиуса сжимаются так, что выпирают желваки, и он буравит взглядом свою возлюбленную.

- Напоминаю, что мы теряем время, - подаёт голос лекарь, и я вижу, как недовольной линией вытягиваются губы Свион, Афа же подставляет ей удобное кресло, чтобы можно было расположиться.

- О, какая забота, - презрительно фыркает в её сторону Адония, усаживаясь напротив целителя. – Всё для моего блага. Может, ещё помассируешь мне плечи?

Афа молчит, смотря на хозяина, ожидая от него приказа, который так и не последует, а Парон бросает обеспокоенный взгляд на Кардиуса.

- Приступайте, она просто сегодня не выспалась, - наговаривает на невесту муж, пока она, кривя лицо, пытается поднять узкий рукав платья. Это неудобно, но Адония отстраняется, когда лекарь намерен ей помочь, и Эйтлер не выдерживает, срываясь с места. Как только оказывается рядом, ткань хрустит под натиском его силы, и рукав разъезжается в стороны, оголяя бледную почти фарфоровую кожу. – Ну же, Парон, быстрее, - торопит его хозяин замка, и лекарь, поднимает глаза на Адонию, чтобы снискать её расположения. Она отвернулась, перебарывая себя, показывая, что несогласна, но тем не менее не бежит скрываться в другой комнате, а держит руку так, чтобы с ней можно было работать.

Весь её облик кричит о ненависти ко мне, о желании мне скорейшей смерти, но разум заставляет делать то, что требует Эйтлер.

- Будет немного больно, - предупреждает лекарь.

- Разве у вас нет фартовой бумаги? – с апломбом спрашивает Адония, чем смущает его.

- Закончилась, а новая ещё не поступила в аптеку, - бурчит он себе под нос.

- На твоём месте, Кардиус, я бы озаботилась своим целителем. Кто знает, чего в следующий раз может не оказаться в его саквояже.

Афа промокает платком вспотевший лоб Парона, словно он на важной операции. Лекарь с благодарностью улыбается ей и делает надрез на запястье Адонии, а она рычит горлом, выказывая недовольство, пока мужчина делает свою работу. Он прикладывает небольшую белую ленту к порезу, и она тут же впитывает чужую кровь.

- Как это работает? – интересуется Эйтлер.

- Мы берем образец у одного мага, затем у другого. Если кровь совместима, лента останется целой.

- Если нет?

- Она истлеет на наших глазах.

- Пусть так и будет, - доносится до моих ушей голос Адонии.

- Думаете, она друг другу не родные? – озвучивает мысль вслух Эйтлер, не обращая внимания на реплики сестры.

- Я лишь должен убедиться, что наша помощь поможет вашей жене, а не добьёт её окончательно.

- Надеюсь, пока вы будете спасать жену, не убьёте невесту, - не может держать язык за зубами Адония. – А что до моей

магии? – внезапно спохватывается. – Она останется у меня? Или она перетянет то, что принадлежит мне?!

Вот сейчас я слышу страх в её голосе. Не за меня, а за свою магию, которая ей просто необходима, чтобы удерживать моего мужа.

- Конечно, - спешит заверить её Парон. – Это абсолютно безопасная процедура.

- Хочется верить, - со скепсисом замечает Адония, а мне хочется лишь на секунду закрыть глаза.

Глава 20

- От кого цветы, ш.л.х, - шлепок по лицу, но не чувствую боли, лишь страх и желание сбежать. Лёня наступает, а я вжимаюсь в стену, которая отчего-то не такая плотная как обычно, она поглощает меня, и вот стою у зеркала, смотря на отражение искажённого злобой лица Кардиуса.

- Где он? – требует ответа артефактор.

- Кто? – не понимаю, но страх нарастает. Прячу в кулаки большие пальцы – так делают люди, что не в силах постоять за себя. Такие, как я. Я одна из них. Смотрю, как приближается отражение мужчины, в руках которого длинный хлыст, и внутренне сжимаюсь, понимая, чем всё закончится.

- Не строй из себя идиотку, Мики! Ты отдала браслет Карфу?

Машинально касаюсь запястья рукой, бросая на него взгляд. Рука пустая, как и вторая.

- Отвечай!

«Плохо, когда не знаешь, а ещё и забыл», - ходит шутка среди моих учеников. Только сейчас она как нельзя кстати, но смеяться с неё никто не будет, потому что кнут чёрной змеей взмывает в воздух и, шипя, опускаясь на мою спину.

- А-а-а, - вскрикиваю по наитию, выгибаясь дугой, но боли нет. Что это может значить?

- Я не позволю делать из себя идиота! Где браслет?

- Не знаю, - отвечаю тихо, не сводя с него взгляда, ощущая небывалую безысходность, когда уже заведомо всё predetermined, и у тебя нет выбора. Искажённое злобой лицо Эйлера рядом, и руки хватают ворот платья, раздирая его в разные стороны. Оно не поддаётся, и тогда неизвестно откуда он достаёт нож и режет шнуровку. А я?

Я здесь, не в силах двинуться с места, понимая, что наказание всё равно последует. Нити лопаются под острым носом кинжала, и кожа чувствует надвигающуюся бурю. Как только спинка разъезжается, снова хлыст.

Удар. Ещё удар. После седьмого сбиваюсь со счёта, держась за столик и смотря, как серое от гнева лицо мужа подрагивает от неприязни.

Он снова бросает взгляд в зеркало, но тут же уводит, словно ему стыдно за то, что сделал. Хотя, мне кажется, что такие, как Эйлер не могут стыдиться. Он ревнует. Неистово и безумно, но сказать о том своей жене не в силах. Вместо этого находит всяческие предлоги, чтобы истязать её, лишь бы не признавать, что он слаб из-за любви к этой женщине.

Делает шаг от меня, намереваясь уйти, но что-то в нём противится уходу. Замирает, чуть повернув голову, и я напрягаюсь, стараясь дышать, как можно тише, потому что не понаслышке знаю, как можно привлечь ненужное внимание.

Он может сказать всё, что угодно. Но вместо тысячи «прости» произносит.

- Я буду следить за украшениями, что дарю тебе. Пусть эти ирамы станут напоминанием о том, что ты принадлежишь только мне.

Дверь за ним громко хлопает, а я продолжаю смотреть на выход, потому что в любой момент он может передумать и вернуться...И отчего-то нет слёз.

- Небесная мать, к тебе взываю. Будет воля твоя, будет сила твоя, будет вера твоя. Не оставляй нас в земных горестях, будь добра и милосердна к оступившимся, даруй небесные всходы, коими жив человек. Взгляни на сущее с высоты своей, проводя нити к добру и свету.

Веки дрожат, и кажется, словно на них положили целый пуд, только всё же удаётся открыть. Вижу склонившуюся девушку в молитве, раскачивающуюся в такт своим речам. Слова текут, бегут, улетают к тому, кому адресованы, а мне удаётся разлепить ссохшиеся губы, чтобы произнести.

- Афа...

Она тут же вздрагивает, поворачиваясь ко мне, и на бледном лице появляется улыбка.

- Я знала, что Небесная мать дарует вам новую жизнь. Вы снова с нами!

Знала бы она, что это уже вторая жизнь, и той, кого она действительно пыталась спасти, нет.

В комнате, кроме нас, никого. Темно, лишь несколько све-

чей освещают пространство вокруг, и я понимаю: всё, что я только что видела, мне приснилось.

- Сколько я здесь? – задаю вопрос.

- Два дня, - тут же отзывается служанка. – Лекарь сделал всё правильно, только магические потоки Адонии куда слабее ваших. Будь более сильная кровь, вы очнулись бы ещё к вечеру того же дня. Признаться, она мне совершенно не нравится, - приставляет Афа руку ко рту, делясь секретом. – Злая, надменная и некрасивая.

Ну с последним она погорячилась. Всё же Адония довольно привлекательна, не зря на неё положил глаз Эйтлер. Даже без её магии она в силах преподнести себя так, чтобы заинтересовать.

- Даже не представляете, в каком гневе был лорд, когда вы отключились. Он побледнел, а потом отчитывал невесту, что она слишком долго тянула, - на её губах играет улыбка. – Благодарю, Небесная мать, что услышала мои молитвы, - она соединяет руки в замок, поднимая глаза к небу, а я прошу воды.

- Теперь, когда вы носите ребёнка, он не посмеет жениться на другой! – отчего-то уверена Афа, только мне кажется, что Эйтлера это не остановит. На наливает из кувшина родниковой воды, подавая мне.

- Мы должны отправиться в поместье, - делюсь с девушкой мыслями. – Я боюсь, что Кардиус что-нибудь сделает с малышом.

- Он не посмеет! – округляет она глаза.

- А если он не его?

Афа смотрит на меня, не отрываясь, но понимаю, что теперь она на моей стороне. Слишком боялась за ту, кто не имеет для неё смысла.

- Он Карфа, да? – внезапно её голос теплеет, и на лице появляется улыбка. – Вам бесконечно повезло иметь такого друга.

Мне бесконечно повезло? Она уверенна, что говорит о женщине, что лежит на кровати? И как я могу ответить, если вообще считаю, что не беременна.

- Я не знаю, - признаюсь.

- Я поеду с вами, куда скажете! – произносит она. И я понимаю, что мне следует убедить Эйтлера в том, что мне просто необходимо обосноваться в поместье.

Визуал Карфа Лайфина

Карф Лайфин - давний друг Маорики Эйтлер (в девичестве Свион). Влюблён в неё, потому желает лишь добра, пытаясь вырвать из лап негодяя Кардиуса Эйтлера

Глава 21

Эйтлер приходит рано утром, чтобы проверить, дышит ли его жена.

- Мне надо поговорить с тобой, - пытаюсь сесть, но слабость, разливающаяся по телу, мешает.

- Не сегодня, мне необходимо уехать! – отворачивается, намереваясь уйти.

- Надолго? – стараюсь, чтобы голос был мягким и плавным, злить его не желаю. Спрашиваю лишь затем, чтобы понимать ситуацию, только он трактует иначе.

- Хочешь сбежать в моё отсутствие?

Воздух в комнате понижается на градус. К умирающей он был менее строг, даже пытался спасти. Теперь, когда ситуация выправилась, снова стал негодяем, которым был всегда.

- С любовником? – рычит, и я вижу оскал его зубов.

- У меня никого нет, - оправдываюсь даже в другом мире. Я всегда была верной, но не потому, что так требовал мужа. Я была верной себе, ведь выбрав одного, я предала бы в первую очередь себя и свой выбор. Жаль, что муж так и не смог этого понять.

- А как же Карф? – рука артефактора упирается в мою подушку, прихватывая прядь волос, которая натянулась, как струна, и от этого больно голове.

- Он друг, - говорю то, что слышала, и Эйтлер на секунду закрывает глаза, пытаясь подавить бурю внутри себя. Не знаю, как вела с ним его настоящая жена, но уверена, никто не имеет права оставлять на чьем бы то ни было теле шрамы. Сами того не ведая, мы выдаём другим право владеть нами. Я сделала глупость, за которую теперь расплачиваюсь и в другой жизни.

Он выходит из комнаты стремительно, словно забыл, что не выключил утюг в соседнем помещении, но скоро возвращается, и в его руках какой-то предмет.

- А теперь повтори, - небрежно всовывает мне в руки, коля острыми углами куба мои ладони.

- Она слишком слаба для такого, - подаёт голос Афа, которая мистическим образом оказывается рядом.

- Пошла вон!

- Вы убьёте её, лорд Эйтлер. Повремените хотя бы немного, пока не окрепнет. Парон сказал, что чужая кровь должна...

- Я сказал **ВОН!** – орёт на девчонку так, что мы обе вздрагиваем. И она бросает в мою сторону испуганный взгляд. У неё есть шанс повиноваться, только она не использует его.

- Пожалуйста, лорд Эйтлер, - не отстаёт, пытаюсь меня спасти. Маленькая, хрупкая и беззащитная бросается на амбразуру с драконом. Артефактор поворачивается, в несколько шагов оказываясь рядом с ней, хватая за волосы и тащит из комнаты. Её просьба породила агрессию, которую следует погасить, как можно скорее.

Я всегда была слабой, боясь постоять за себя, но сейчас всё иначе. Он трогает девочку, которая ещё вчера была ребёнком.

- Эйтлер! – вкладываю в голос как можно больше гнева, привставая на одном локте. – Если ты тронешь её, я сломаю этот мерзкий прибор!

Он останавливается, бросая на меня взгляд. Словно не верит, что я могу воплотить слова в действие. Поднимаю руку с артефактом для пущей убедительности, и сейчас плевать, что переключу мужа на себя. Афа достойна того, чтобы попытаться её спасти.

Дракон толкает служанку, которая падает на пол от прилагаемой силы, но тут же поднимается, а Эйтлер направля-

ется в мою сторону, и его губы слегка подрагивают.

- Какая жертвенность, Мики. Она пыль на моём сапоге, а ты готова ради неё сломать ценную вещь? Знаешь ли ты, сколько времени и сил я потратил, чтобы создать его?

- Жизнь бесценна, Кардиус. Уходи Афа! – требую, словно мне уже всё равно, что сейчас будет.

Она качает головой, но пятится.

- Он ничего со мной не сделает, ведь так, дорогой? – ад-реналин выбрасывается в кровь, и плывёт голова.

- Она не понимает, что говорит, лорд, - снова голос Афы, - магия вашей невесты бурлит в её крови, доктор предупреждал. Подождите пару дней, - снова заводит пластинку.

Эйтлер оказывается рядом со мной, выхватывая из слабой руки чёрный куб, и тут же прячет его в карман.

- Завтра, - даёт срок и тут же выходит. Афа закрывает за ним дверь. Кажется, завтра может разделить мою жизнь на «до» и «после».

Глава 22

Ближе к обеду меня навещает лекарь, и тут же врывается Адония с красным лицом, которое на фоне белого платья кажется ещё пунцовой.

- Ты, - тычет в мою сторону пальцем, грозно приближаясь.

- Я, - киваю, внутренне сжимаясь, но лицо не выражает никаких эмоций.

- Она магически неустойчива, - пытается закрыть меня Парон, но сестра пытается его оттолкнуть. И кто её только воспитывал? Отходит чуть дальше, чтобы её не касались чужие руки.

- Она украла мою магию! – визжит она. – Как только Эйтлер вернётся, он напишет императору и тебя вздёрнут на виселице, - грозит лекарь, который машинально трогает свою

шею, судорожно сглатывая. В его глазах читается испуг и безысходность.

- Это невозможно, - уверяет он. – Процесс полностью отлажен, и я делал его много раз...

- Сколько? – требует она ответа, и Парон задумывается.

- Много, - блеет, но уверенности в голосе нет.

- Я спрашиваю СКОЛЬКО? – кричит сестра. А мне раньше казалось, что жизнь Алевтины Корабликовой полна чёрных полос и разочарований. Всё познаётся в сравнении. Пусть я лежу на кровати и за мной ухаживает Афа, но я бы предпочла ненавистную генералку этому пороссячьему требовательному визгу.

- Дважды, - признаётся целитель, - но...

- Дважды? – ахает она, и готова поклясться, что в её глазах блестят слёзы. – Не-е-ет, - трясёт головой она. – Виселицы мало для такого. Сперва от тебя будут отрезать по маленькому кусочку, называя моё имя, чтобы ты в любой из последующих воплощений помнил Адонию Свион, а уже затем ПО-ВЕСЯТ!

Кажется, у неё зачатки садизма и маниакального психоза, если она с горящими глазами рассказывает о том, как готова истязать человека. Я бы сразу порекомендовала показать её психиатру и психологу, чтобы они там между собой разобрались. И поставить на учёт. Только здесь вряд ли озаботятся подобным. Есть деньги, титул – ты неприкосновенен.

- Верни всё обратно! – требует от него.

- Что? – он явно её не понимает.

- Мою магию, негодяй, - не сдаётся она.

- Адония, если ты перестанешь кричать и скажешь спокойным голосом, есть шанс, что люди услышат тебя, - советуют сестре.

- Ты нарочно это сделала, - адресовано теперь мне. – Ты знала, что Кардиус заставит меня помочь. Ты всегда была умной и хитрой, обвела нас обоих вокруг пальца.

Признаваться, что я не та, за кого она меня принимает, не стану. Как и доказывать, что я сделала это не специально. Всё же я бунтовала против интима с Кардиусом. А вылилось это в то, во что вылилось.

- Вам лучше уйти, - Афа стоит на страже моего спокойствия. – Леди Эйтлер...

- Ты кто такая, чтобы говорить мне о том, что следует? Если я только захочу, тебя тут же выдворят из этого дома. На твоё место всегда найдётся хорошая служанка, которая умеет держать язык за зубами.

- Вы здесь пока никто, - удивлена, но слышу это из уст Афы, - как только станете хозяйкой – будете делать так, как заблагорассудится. А пока официальная жена здесь одна, и она нуждается в покое. Так что прошу, покиньте её комнату!

Адония решает сохранить лицо. Ну не драться же ей со служанкой, в конце концов. Но угрозы сыплются из её рта, как из рога изобилия. Достанется каждому, кто сейчас здесь, это она нам обещает. И вспоминается поговорка: собака ла-

ет, но не кусает.

- Вы очень смелая, - поправляет очки лекарь, негромко нахваливая Афу, и я понимаю, что эти двое понравились друг другу, несмотря на разность в возрасте и социальное положение.

- О чём она говорила? – вмешиваюсь в их переглядки. – Можно ли забрать магию у другого?

- Впервые слышу об этом, - пожимает плечами лекарь.

- Мне кажется, она преувеличивает, чтобы привлечь к себе как можно больше внимания, - выдвигает версию служанка. Может и так. Но я не ощущаю себя как-то иначе, будто всё по-прежнему.

Выходить из комнаты мне категорически запрещено, потому меряю пространство, определив, что от одной стены до другой – пятнадцать шагов. К вечеру чувствую себя уже лучше, а наутро, как обещано, возвращается Эйтлер.

- Собирайся, - объявляет с порога.

- Куда? – сердце тут же отбивает чечётку в груди. Так скоропалительно отбиваем?

- Разве тебе важно, если ты едешь со мной?

Вот как раз потому и спрашиваю!

- Решено, что ты поживём какое-то время в своём поместье.

Решено? С кем же он решал такие вещи? Но, кажется, удача улыбнулась мне, и не придётся убеждать его в том, что мне следует отправиться туда.

- Через пару часов отбываем, так что успеешь собрать необходимые вещи.

Он выбирается из комнаты, а у меня плохое предчувствие. Слишком всё идёт гладко.

Глава 23

Мы сидим в карете с Афой, хотя Адония до последнего противилась, чтобы служанка ехала со мной. Сперва о том рассказали горничные, а потом уже и она сама всячески намекала Кардиусу. Кажется, она желает сделать мою жизнь невыносимой по максимуму. Только у мужа другие планы. Он немного рассеян и даже не угрожает никому, если делают не как следует. Его что-то беспокоит.

- Трогай, - приказывает кучеру, когда вещи упакованы, и экипаж неторопливо катится по дороге, а я отодвигаю занавеску, чтобы посмотреть окрестности. Аллея из остроконач-

ных ухоженных деревьев, размещённых друг от друга на расстоянии шага, соединяет ворота и замок длинной прямой галереей. Деревья, выстроенные солдатами, стоят по струнке, как молчаливые конвоиры. За ними травяное поле, заканчивающееся вдалеке лесом. Что по левую от меня руку, где сидит Афа, не знаю. Наверное, зеркальное отражение.

Кардиус разглядывает меня полусидя, приложив пальцы к губам, и молчит. Невыносимо хочется отвести взгляд, но заставляю себя его выдержать, считая секунды. Сдаюсь на пятой, но для меня это уже прогресс, потому что раньше сразу же ретировалась, будто была в чём-то виновата.

Не привыкла к штату прислуги, но понимаю, что женщине в моём положении, я имею ввиду статус, не пристало самой заниматься домом. Афа со мной больше, как друг, но следует подумать и о насущном.

- Кардиус, - называю его по имени, и затуманенный пустой взгляд артефактора, обращённый внутрь себя, становится живее. – Быт в замке отлажен. Есть кухарки, горничные, слуги. А что до поместья?

- Хочешь спросить, подготовил ли я тебе чудесные условия для проживания? – слышится издёвка в голосе, и брови ползут вверх. – Ты так мечтала быть самостоятельной, что я решил дать тебе такую возможность.

- Игра на выживание? – вспоминаются шоу на острове, обустройства дома и прочее. – Не думаю, что лучшими условиями для ребёнка будет пустой и холодный дом, где нет и

краюхи хлеба.

- Ребёнка, - отчего-то задумчиво произносит Эйтлер, глядя вбок. Откидывается так, чтобы смотреть в потолок и вздыхает.

- Не настаиваю на прислуге, но деньги на наше с Афой содержание следует выделить, - пробую идти дальше.

Говорю и внутренне сжимаюсь. Мои слова смесь просьбы и требования. Порой что-то говорила начальству, ожидая, что в любой момент меня воспримут в штыки. Так и теперь.

- Хочешь, чтобы я обеспечивал лживую потаскуху, которая обжималась со своим любовником в моём саду? – презрительно выплёвывает в меня слова. – Я всё знаю, Мики. Нашлись те, кто открыл глаза. Ты мечтала сбежать с этим недоумком, но теперь у вас ничего не выйдет. Не «жить вам долго и счастливо». Я позабочусь, чтобы вы были друг от друга как можно дальше. Если не умеешь любить правильно своего мужа, я заставлю тебя страдать! – последнее слово он говорит сквозь зубы, и меня окатывает страхом.

- Вы с Адонией - чудесная пара, - отвечаю на это. Гусь и гагарочка. Оба мечтают о том, как сделать другому больнее. На этом разговор заканчивается.

Какую-то часть пути едем молча, и я не желаю больше ничего спрашивать. Молюсь лишь, чтобы он не придумал ничего по дороге, а привёз именно в поместье.

Когда карета останавливается, переглядываемся с Афой, а Кардиус потягивается.

- Что ж, приехали, - окатывает ледяным тоном, первым выбираясь из кареты.

Как Миорика Эйтлер я обязана знать, как выглядит поместье. Как Алевтина Корабликова здесь впервые. И то, что вижу перед собой, больше похоже на хижину в лесу.

- Иди за мной! – приказывает Кардиус, и я выбираюсь, ступая на мягкий мох, как на ковёр. Такое чувство, что поблизости болото, потому что пахнет сыростью. – Служанка останется в карете!

Афа хватает меня за плечо, и я оборачиваюсь.

- Не ходите! – в её испуганных глазах я вижу себя.

Неужели, Эйтлер привёз меня сюда, чтобы убить? Но для чего сбор вещей, эти чемоданы на экипаже? Почему позволил приехать девушке? Лишний свидетель, который может рассказать другим, если от него не избавиться, конечно.

- Выберись из кареты и беги, если я не вернусь, - говорю на прощание.

- Мики! – рычит Кардиус. И я делаю шаг в неизвестность.

Глава 24

Всё же у женщин развита интуиция, и моя меня не подвела, потому что приехали мы не в поместье, как обещал Эйтлер, а совсем в другое место.

В избе пахнет травами и чем-то горьким, воздух, как в бане, и я моментально покрываюсь испариной. К тому же довольно темно, хоть солнце ещё не зашло, но маленькие три окна

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.